

★ НОВАЯ
★ БОЕВАЯ
★ ФАНТАСТИКА

Ерофей ТРОФИМОВ

СЕВЕРНЫЙ ДРАКОН

Ерофей Трофимов
Северный дракон
Серия «Новая боевая фантастика»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70299028
Северный дракон: Издательство АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-160600-8*

Аннотация

Революция – дело страшное, и когда она случается, плохо становится всем. И правым, и виноватым. Так случилось и теперь. Едва только в Российской империи началась революция, как нехорошо стало и всем её соседям. В том числе и Поднебесной империи. Японская интервенция, безвластие и многие другие прелести того страшного времени. Так что, юному казачку из небольшой станицы придётся вспомнить всё, чему его когда-то учили, чтобы просто выжить...

Ерофей Трофимов

Северный дракон

© Ерофей Трофимов, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Со стоном прижав к ране тряпицу, Леха прикусил губу и, переждав, когда вспыхнувшие перед глазами звездочки исчезнут, осмотрелся. От погони ему, похоже, удалось оторваться. Голоса преследователей стихли где-то в тайге. О чем именно говорили солдаты в странной форме, было непонятно, но одно Леха знал точно. После случившегося его просто убьют. Да, впрочем, иного и ожидать не стоило. Ведь случившееся безвластие давно уже отменило все законы и правила.

А ведь до всего этого страна не так уж и плохо жила. И чего людям не хватало? Этот философский вопрос Леха не раз задавал и себе, и всем тем, кто постарше и поумнее, а вот ответа на него так и не получил. Бросив быстрый взгляд в небо, парень понял, что до темноты еще долго, и решил поискать место поукромнее.

– Нужно к долговому ручью идти, – еле слышно проворчал парень и, тяжело поднявшись, нырнул в подлесок.

Он еще не знал, что этот странный и страшный день изменил всю его дальнейшую жизнь. А ведь ничто не предвещало такой беды. Они с отцом привычно собирались на заливной луг. Нужно было сена накосить до осенних дождей. Война войной, а скотину кормить надо. Отцу одному с таким делом было не справиться. Искалечило его на германском фронте. Осколок снаряда срубил кисть левой руки.

Вот и списали вчистую реестрового забайкальского родового казака. Вернулся он хоть и калеккой, а все одно с прибытком. С тех трофеев и коня купили, и коровку. Лехе самому через два года предстояло в реестр экзаменацию держать, но, похоже, не будет никаких испытаний. Нет больше ни реестра, ни империи, которой казаки от создания времен служили. А теперь, похоже, и станицы не стало.

Адмирал Колчак, поддерживаемый иностранными государствами и опираясь на штыки их солдат, издал указ, по которому в армию забривали всех мужчин от шестнадцати до пятидесяти лет. Вот и пришли в станицу солдаты с парой колчаковских офицеров, набор проводить. Леха уже запряг коней в телегу и уложил в нее косы, чтобы на лужок ехать, когда на подворье ввалились эти бесы.

Сначала к отцу сунулись, но когда руку его приметили, отстали. А после за Леху принялись. Осматривали, словно жеребца на торгу. Вот Леха и не стерпел. Двинул одного из иностранных солдат в рыло. Да так, что тот башкой в стену сарая влип. Остальные солдаты за оружие схватились, да

только отец не зря одним из лучших рубак в эскадроне был. Подхватил он черен от лопаты и в пять ударов всех непрощенных гостей по двору раскидал. Вот тут-то офицеры и засуетились.

– Ты что же это, казак, государству служить отказываешься? Дезертируешь? – зловеще поинтересовался штабс-капитан, выхватывая из кобуры револьвер.

– Я, ваше благородие, свое отслужил и списан из реестра по ранению, – фыркнул отец, вскидывая обрубок левой руки. – А сына не тронь. Ему еще возраста нет. Мал он еще для войны.

– И сколько ему? – оглядывая Леху, уточнил штабс-капитан.

– Пятнадцать только.

– Врешь. На вид все восемнадцать есть, – не поверил офицер. – Здоровенный мужик. Солдата вон приложил так, что до сих пор встать не может, – кивнул он головой на служивого под стеной сарая.

– Не с чего мне врать, – гордо выпрямился отец. – Вон в церкву ходите. Там в книге все записано, – ткнул он обрубком руки в сторону церковной маковки.

– Ничего. Не переломится, – усмехнулся офицер, поводя стволом револьвера. – Шагай, парень. Пора родине послужить.

– А где она, та родина? – не удержавшись, сплюнул Леха. – Даже вас вон иноземцы защищают.

– Поговори мне еще! – выверился штабс-капитан, снова вскидывая оружие, и тут отцовский черен от лопаты с хрустом ударил его по кисти руки.

Будь у отца шашка, быть бы тому офицеру калекой, а так только сломанными костями отделался. Леха прыжком кинулся к выпавшему револьверу, и тут же грянул выстрел. Один из солдат успел выстрелить. Бок обожгло. Упав, Леха перекатился на спину и, вскинув подхваченный револьвер, трижды нажал на спуск. Трое солдат, старательно дергавших затворами своих винтовок, упали.

Дрын, подхваченный отцом вместо оружия, треснул второго офицера по голове и тут же хлестнул по спине того, что выронил револьвер. Теперь оставалось только добить их и, собрав семью, уходить в тайгу, на заимку. Такого колчаковские офицеры безнаказанным не оставят. Это Леха понял сразу, едва увидев трупы убитых им солдат. Тяжело поднявшись, он прижал ладонь к левому боку и, испуганно глядя отцу в глаза, тихо прохрипел:

– Прости, батя.

От боли в горле пересохло. Грустно усмехнувшись, отец деловито подобрал один из упавших карабинов и, протянув его Лехе, командовал:

– Патроны с них возьми. Первый трофей ведь. И погоди немного. Я сейчас.

Он скрылся в доме, чтобы через несколько минут вернуться со своим походным сидором, туго набитым чем-то. За по-

ясом отец нес свой любимый кавказский кинжал. Подарок побратима из терского казачьего воинства, с которым побратался еще в турецком походе.

– Держи, – сунул он Лехе сидор. – К бабке Чин ступай. Она тебе рану быстро залечит. Повезло, только шкуру малость попортили, стрелки, – презрительно усмехнулся отец, внимательно оглядывая рану на левом боку парня. – Сюда пока не суйся. Пусть уляжется все.

– А как же вы, батя? – опомнился Леха. – Вас же с матерью да сестрами со свету за меня сживут.

– Их тоже отправлю, – отмахнулся отец. – Сейчас первым делом тебя спрятать надо. Запомни, не должен род казачий впусе прерваться. Всё. Ступай. Только рану тряпицей заткни, чтобы кровью не истечь. Рана хоть и легкая, а кровит сильно.

Шум и конский топот у ворот заставил отца чуть вздрогнуть и с тревогой оглянуться. Леха привычным движением передернул затвор карабина, про себя только усмехнувшись. Прежний владелец этого оружия, похоже, толком и не знал, как с ним правильно обращаться. Дергал стемпель, только время зря теряя. А карабин господина Мосина такого обращения не любит. Его перезаряжать плавно надо. Тогда и быстро получается.

– Беги, сынок, – резко скомандовал отец, подхватывая брошенный Лехой револьвер. – Беги. Огородами в тайгу уходи. И к бабке. К бабке сразу ступай. Расскажешь ей все, она

знает, что делать.

Неожиданно шагнув к сыну, он крепко обнял его и сразу, словно устыдившись, оттолкнул, снова приказав:

– Беги.

Слушаться отца для Лехи было так же привычно, как дышать. Ведь всему, что парень умел, отец его и научил. И охотиться, и стрелять, и ухваткам воинским, всему учил. Подхватив сидор, парень закинул его на правое плечо и, привычно перемахнув забор, нырнул в подлесок. Тайга подступала к станице почти вплотную. Уже отойдя шагов на сотню, Леха услышал, как на их подворье грохнул выстрел, и, выругавшись, бросился к ближайшему дереву.

Шипя от боли, он взобрался на высоту пары своих ростов и, напрягая глаза, всмотрелся в то, что происходило в их дворе. По подворью с хозяйским видом расхаживали все те же иностранные солдаты. Потом из дома вытащили мать и двух сестер. Один из солдат тут же принялся тискать старшую сестренку, гнусно усмехаясь и корча рожи. Не удержавшись, Леха вскинул карабин и, тщательно прицелившись, спустил курок.

Голова насильника лопнула, окатив красным стену сарая. Солдаты тут же забыли про женщин и принялись прятаться, осматриваясь и пытаясь понять, откуда в них стреляли. Плавнo передернув затвор, Леха взял на прицел еще одного солдата и снова выстрелил. Стрелять его отец научил здорово. Один выстрел, одно попадание. Иначе стрелять – пустой

перевод патронов. Так опытный казак всегда повторял. Выпустив все пять патронов, Леха заметил, как от станицы в тайгу пробираются фигурки солдат. Сообразив, что они пытаются его обойти, парень спустился с дерева и, на ходу перезаряжая карабин, быстро зашагал в нужную сторону.

Но среди солдат, похоже, нашелся опытный проводник, сумевший разобраться в его следах. Очень скоро парень заметил погоню и принялся путать следы. Ранение и потеря крови не позволяли ему бежать, так что пришлось вспомнить все, чему когда-то учил отец. Дважды он сходил в ручей и двигался по колено в воде, выбираясь на прибрежные камни, чтобы сбить врага со следа. И вот теперь, убедившись, что сумел оторваться, Леха направился в нужную сторону.

На хутор бабушки Чин. Если быть точным, то Чин была ему прабабкой, но Леха привык называть ее бабушкой. Она его всегда называла странным именем Лю, но Леха не обижался. Знал, что бабка называла его так с самого детства. Еще когда он толком и ходить не умел. А самое главное, именно она, бабушка Чин, обучила его тому, что для многих в станице было странным и непривычным. Но сам Леха придерживался мнения отца. Знания лишними не бывают.

* * *

– Сколько раз тебе было повторять, что рану нельзя оставлять открытой? – возмущенно ворчала бабушка Чин, вычи-

щая ему попорченную шкуру.

– Так некогда было, бабушка, – скрипнув зубами, выдохнул Леха. – Гнались за мной.

– Надо было хоть воском медовым замазать, – вздохнула бабка, засыпая рану смесью толченых трав.

Травы она разбирала ловко. Потому и жили они с прадедом на хуторе, в тайге. Где и когда эти двое познакомились, не знал никто. Просто однажды прадед вернулся из приграничного похода, привезя с собой юную девушку китаянку. В казачьей среде подобные браки были не редкостью, так что долго судачить об этом даже записные кумушки не стали. Так, перемыли косточки пару седмиц, да забыли.

Как они жили и чем занимались, Леха толком не знал, да и, по совести сказать, не сильно интересовался. Прадед до его появления на свет не дожил, а бабка так и жила на хуторе. Только иногда Леху привозили к ней, когда матери приходила пора рожать очередного ребенка. Став постарше, Леха и сам начал бегать на хутор. Там ему было интереснее. Бабушка Чин знала многое. Именно от нее он и узнал, что такое чайная церемония и каллиграфия. А главное, она стала учить его приемам борьбы, очень похожим на ухватки пластунов.

И именно у бабки он научился понимать и легко говорить на языке манджур и разбирать письмо наречия мандарин. Зачем это было нужно, Леха и сам не знал, но учиться ему было интересно. Конечно, настоящим мастером кал-

лиграфии и знатоком чайной церемонии он не стал, но и в иероглифах тоже не путался. Вообще, с бабушкой ему было куда как интереснее, чем в станице. Отец, прознав об этих занятиях, только задумчиво хмыкнул и уже первой же весной взял его с собой на приграничный торг.

Ханьские купцы, увидев юного казачка с монгольскими скулами и темно-кариими глазами, только усмехались поначалу, но когда Леха начинал говорить с ними на наречии мандарин, тут же теряли усмешки и начинали отвечать очень даже вежливо. Почему сам отец не знал языков, Леха так и не понял. То ли ему лень учиться было, а то ли к языкам не сильно расположен был, непонятно, но так оно и было. Из всей семьи бабушка Чин учить взялась только маленького Леху.

Дождавшись, когда бабка закончит с перевязкой, парень поднялся и, натягивая рубаху, спросил:

– Бабушка, а винтовка моя цела еще?

Откуда дед привез винтовку Генри, в семье не говорили, но Леха получил ее в полное свое распоряжение и умудрялся выбивать из нее пять мишеней из пяти. Так что для возвращения за семьей эта винтовка была ему предпочтительнее. Проще говоря, привычнее. Мосинский карабин, безусловно, мощный, но своя винтовка словно сама к плечу льнула. С ней парень давно уже забыл, что такое промах.

– А к чему тебе винтовка? – грозно поинтересовалась бабка, развернувшись к нему всем телом.

– Да как же?! – растерялся Леха. – Нужно ж домой. В станцию. Там же мамка с сестрами остались, – принялся объяснять он, размахивая руками.

– Они казачки. Сами управятся, – жестко отрезала бабка. – А тебе с такой раной только и осталось, что воевать. Дай сначала корке схватиться. Иначе кровью изойдешь.

– Батя сказал, что это царапина, – растерянно проворчал парень, удивленно рассматривая повязку.

– Соврал он тебе, чтобы не пугать, – тяжело вздохнула бабка. – Пуля насквозь прошла и, похоже, ничего сильно не зацепила. Но ты пока бегал, в нее какая-то грязь попала. Так что нельзя тебе пока тело напрягать. Может антонов огонь случиться.

– Но как же... – окончательно растерявшись, повторил парень. – Это ж получается, я их бросил, – еле слышно прохрипел он.

– Никого ты не бросал, – рявкнула в ответ бабка. – Ты последний мужчина в роду. Последний, слышишь, Лю?! И сделал ты то, что тебе отец родной велел. Или ты решил, что лучше старших все понимаешь?

Взгляд бабки вонзился в него, словно клинок. Лю звала его только она, и только когда он сумел в чем-то провиниться. Потупившись, Леха тяжело вздохнул и замолчал, не понимая, что делать дальше. Вздохнув в ответ, бабка подошла к лавке, на которой он сидел, и, погладив его по голове крепкой, мозолистой ладонью, тихо подсказала:

– Не грусти. Знаю, что тяжело все это принять. Уж поверь, и со мной всякое было. Да только ничего ты тут не изменишь. Перетерпи. Вот подживет рана, и сбегашь в станицу. Тебе и тут-то оставаться опасно. Вы с отцом солдат да офицеров побили. Искать станут. А то, что ты мой внук, вся округа знает. Тут и гадать не надо. Одного взгляда хватит, чтобы понять, что мы одна кровь.

Грустно усмехнувшись, Леха только кивнул, покосившись на небольшое зеркальце, висевшее на стене. Бабка была права. Они и вправду были очень похожи. Только одна особенность их различала. Глаза. Обычно глаза Лехи, когда он был спокоен, были обычного темно-карего цвета. Но стоило только ему разозлиться или начать волноваться, как они становились антрацитово-черными. Такими темными, что нельзя было отличить радужку от зрачка даже при ярком дневном свете.

Еще раз вздохнув, бабка прошла за печку и, пошебуршав там чем-то, вернулась обратно, неся в руках сидор, с которым Леха и пришел, и его старую винтовку.

– И карабин свой забери, – добавила она, протягивая ему вещи. – За выпасом в шалаше поживешь пока. Ежели сюда заявятся, найду, что им ответить. Пойдем, провожу тебя.

Кивнув, Леха поднялся и, подхватив карабин, закинул на правое плечо отцовский сидор. Они вышли из дома и по узкой тропе двинулись в тайгу. Версты через две бабка ловко нырнула в заросли ивы, потянув внука за собой. Про эту уз-

кую стежку знало всего несколько человек. Именно тут, на берегу крошечного родника, бабка поставила с его помощью шалаш и сушила собранные травы.

Убедившись, что Леха устроился нормально, бабка ласково потрепала ему коротко стриженные волосы и, развернувшись, отправилась обратно.

Разложив вещи, парень развел огонь в крошечной железной печке и, с сомнением осмотрев окровавленную рубашку, сунул ее в топку. Стирать и штопать ее было бесполезно. От крови материя была заскорузлой и уже начала пахнуть. Поворошив угли, Леха поставил на печку небольшой медный чайник с водой и, развязав собранный бабкой узелок, принялся с интересом изучать его содержимое.

Перекусив, парень напился чаю и, устроившись на собранной у стены лежанке, прикрыл глаза. Бабка была права. От потери крови его все еще пошатывало и немного подташнивало. А еще все время хотелось пить. Уснул он незаметно для себя. Разбудили Леху сороки. Их возмущенный треск заставил парня подскочить на лежанке и схватиться за оружие. Тряхнув головой, чтобы разогнать сонную одурь, парень несколько секунд сидел замерев, пытаясь понять, что его разбудило.

Потом какое-то странное чувство заставило его сердце сжаться, а по спине пробежала странная холодная дрожь. Привычно проверив оружие, Леха вышел из шалаша и, передернув скобу, двинулся в сторону бабкиного дома. Что имен-

но его туда потянуло, парень и сам не понял. Пройдя быстрым шагом почти до самого дома бабки, Леха вдруг замер, из-за куста рассматривая постройку.

Он снова не понимал, что именно так резануло ему глаз, но тут явно было что-то не так. Наконец, в третий раз осмотрев все тщательно, парень понял, что именно его насторожило. Из трубы не вился дымок. И куры, обычно бродившие в загоне, вообще не издавали ни звука. Словно их и вовсе не было. Прижав приклад винтовки к плечу, парень плавно вышел из кустов и, обходя дом по кругу, двинулся к сараю, который бабка использовала как курятник.

У крыльца, кучей старого тряпья, лежало тело женщины. Замерев на секунду, Леха подбежал к телу и, осторожно перевернув его лицом вверх, глухо завыл. Три пули вошли в сухую грудь бабушки Чин. Тонкая струйка уже начавшей подсыхать крови скатывалась из уголка ее плотно сжатых губ, теряясь где-то за воротом кофты.

– Бабушка, – хрипя пережатым от рыданий горлом, стонал он, сжимая кулаки в бессильной злобе.

Потом, усилием воли взяв себя в руки, парень поднялся и, привычно проверив винтовку, направился к калитке. У ворот по следам стало понятно, что сюда приезжал десяток солдат. Быстро осмотревшись, Леха перекинул ремень винтовки через шею и помчался по следу волчьим бегом. К темноте он догнал вставших лагерем солдат. Похоже, после расправы над бабушкой они уже никуда не торопились.

Обойдя солдатский бивак по кругу, парень выбрал самую удобную позицию и, плавно передернув рычаг винтовки, взял на прицел офицера. Молодой поручик, сидя на седле, не спеша попивал заваренный кашеваром чай. Пуля пробила его кружку и вошла офицеру в грудь. Дальше Леха действовал, словно механическая игрушка. Плавное движение кистью руки, и стреляная гильза вылетает из затвора.

Прицел – и выстрел. Перевод ствола, с одновременной перезарядкой, и снова выстрел. Отец недаром потратил столько времени на его обучение. Орудовать этой винтовкой парень стал так, словно она была продолжением его руки. Весь десяток был уничтожен меньше чем за минуту. Перезарядив винтовку, парень обошел всех лежавших и сделал еще два выстрела, добив подранков. Военскую науку отец в него вбил крепко.

Оставлять за спиной живых врагов самая большая глупость, какую только может сделать воин. У этих иностранцев не было ни совести, ни чести, и выстрелить в спину для них было так же нормально, как для любого человека дышать. Быстро обыскав тела, Леха собрал все ценное, патроны к своему карабину и снял с офицера кобуру с револьвером. Теперь, когда граница была пройдена, ему больше незачем было осторожничать.

Эти люди пришли в его дом с оружием, а значит, их нужно убивать. Эта мысль билась в мозгу парня, заставляя его вспоминать все, чему когда-то учил его отец, и действовать

так, как действовал бы любой опытный воин. Перерыв все чересседельные сумки, Леха собрал все, что могло ему понадобиться в дороге, и принялся сортировать добычу.

Продукты, новая ткань на портянки, патроны к револьверу Нагана и карабину, деньги и ценности, которые солдаты награбили во время своих походов по окрестным станицам и деревням. В общем, все, что могло бы помочь ему выжить и отомстить. Собрав и уложив в сумки все необходимое, парень задумчиво осмотрел коней и, вздохнув, потрянул головой, еле слышно проворчав:

– Нет. В тайге они мне только обузой станут. Пешком, оно надежнее будет.

Собрав все стреляные гильзы к своей винтовке, парень задумчиво покатал их на ладони и, чуть пожав плечами, ссыпал в карман. От этого движения рана на боку снова начала ныть. Сунув руку под рубашку, Леха аккуратно ощупал повязку и, в свете костра осмотрев пальцы, мрачно вздохнул:

– Опять кровит. Придется на хутор вернуться. Бабушкиных трав с собой взять.

Поднявшись, он отвязал всех лошадей и, сняв с них узду, отогнал в сторону от костра. Запах крови привлечет сюда лесное зверье, так что безобидной скотине лучше убраться подальше. Уж лошади тут вовсе ни при чем. Еще раз внимательно осмотревшись и убедившись, что ничего не пропустил и не забыл, Леха закинул сумки на плечо и, держа винтовку в правой руке, скрылся в тайге. Ходить по ночному ле-

су он умел. Охота всегда была большим подспорьем в прокорме семьи. Да чего там говорить, если все мужчины станции промышляли пушниной и рыбой. Одними приграничными стычками сыт не будешь.

Да, казаки всегда считались порубежной стражей и регулярно объезжали свои участки границы, отлавливая контрабандистов и всяких бандитов, что промышляли на нашей стороне, но это не мешало им торговать и водить дружбу с порубежными ханьцами, а иногда, как в случае с Лехиной бабкой, даже создавать семьи. Это была обычная жизнь людей, живших на самом краю некогда громадной империи.

Однажды, на ярмарке, Леха видел в лавке букиниста большую книгу, в которой были нарисованы всякие страны. Вот там ему и показали, в какой большой стране он живет. От края до края скакать устанешь. К дому бабки он вернулся далеко за полночь. Сбросив поклажу, Леха поднял тело бабушки на руки и, скрипя зубами от боли в боку, отнес ее в дом. Теперь ему предстояло похоронить ее рядом с прадедом. Ведь бабушка Чин потому и осталась жить на этом хуторе.

Тут, на соседнем пригорке был похоронен тот, с кем она прожила всю жизнь и кому родила пятерых детей. И именно там она завещала похоронить себя, часто повторяя это Лехе. Теперь пришло время исполнить ее последнюю просьбу. Но сначала парню нужно было хоть немного отдохнуть. Слишком много сил отняли у него погоня и перестрелка. С этой

мыслью парень скинул сапоги и, едва растянувшись на лавке, уснул.

* * *

Леха растерянно бродил по пепелищу, боясь поверить собственным глазам. Еще недавно крепкая станица на семь десятков дворов перестала существовать. Иностранные солдаты сожгли всё. Даже старую церковь, которую казаки строили всей станицей. Своими силами и на свои деньги. Во многих дворах парень нашел трупы собак, которых солдаты стреляли, едва войдя в ворота. Всю остальную живность или реквизировали в армию, или пустили под нож на кухне.

Вернувшись туда, где еще три дня назад был их дом, Леха обессиленно опустился на колени и, уперевшись лбом в ствол винтовки, тихо заплакал. Он остался один. Совсем. Из некогда большой дружной семьи выжил только он. Отчаянно паренька не было передела. Он винил в случившемся себя, солдат, войну, революцию, черта, дьявола... Но что делать дальше, Леха не понимал. Знал только одно. Он должен отомстить.

Кому? Да тем же иностранцам, которые пришли на его землю и начали диктовать всем свои правила. Кое-как успокоившись, парень поднялся и, утерев слезы, отправился на околицу станицы. Разобраться в оставленных убийцами следах было не сложно. Куча верховых коней и целое стадо

угнанного скота не могли пройти бесследно. Встав на след, парень двинулся вперед, сам не зная, что будет делать дальше, но сейчас ему требовалось только одно. Действие.

Не важно, какое. Бежать, стрелять, драться, все равно. Главное, что-то делать. След вывел его к полевому лагерю чешского пехотного полка. Обойдя его по кругу, Леха подобрался поближе к тому месту, где стояли палатки офицеров, и, устроившись в кустах бузины, принялся наблюдать. Как говорил отец, если уж решил воевать, то делать это надо по науке. Дуриком ничего хорошего не получается.

Уже к вечеру он знал в лицо всех офицеров полка и примерно представлял, кто именно командовал всей этой вооруженной толпой. Дождавшись ужина, парень сменил позицию и, проверив заряд винтовки, приложил ее к плечу. Пять выстрелов прозвучали треском пулемета. Четверо офицеров рухнули на землю, обливаясь кровью. Еще один, свалившись с табурета, на котором сидел, неловко пополз к ближайшей палатке.

Добить его у Лехи уже не было времени. Солдаты явно бывали в боях и на стрельбу отреагировали быстро. На кусты, в которых прятался парень, обрушился шквал свинца, но Лехи там уже не было. Отстрелявшись, он упал на землю и, быстро подобрав стреляные гильзы, пополз в сторону. Уйдя за деревья, Леха поднялся и побежал по кругу, обходя лагерь по широкой дуге. Из лагеря выбежала примерно рота солдат и принялась охватывать обстрелянные кусты.

Но парня там уже не было. Оббежав лагерь, он подобрался поближе к его краю и, всмотревшись в спящую толпу, приметил высокого чешского офицера, который громовым голосом пытался навести хоть какой-то порядок. Вскинув винтовку, Леха навел прицел ему между лопаток и плавно спустил курок. Пуля ударила офицера в середину спины, бросив его лицом на стоявший перед ним пулемет.

Убедившись, что попал, парень оттянулся обратно в тайгу и снова побежал. На этот раз вслед ему ударили сразу два пулеметных ствола. Упав на землю, Леха переждал этот свинцовый вал и, стряхнув с головы листья и мусор, побежал дальше. Уже почти стемнело, а ему еще предстояло найти место для ночлега. Наткнувшись на неглубокий по летнему времени ручей, он прошел вниз по течению примерно с полверсты и, выйдя на другой берег, снова углубился в тайгу.

Наткнувшись на старый бурелом, парень спустился в яму, оставленную большим выворотнем, и, перезарядив винтовку, принялся разводить костер. Нужно было поесть и как следует обиходить полученную рану. Покойная бабушка была права, когда говорила, что ему еще рано заниматься чем-то серьезным. Едва появившаяся корочка то и дело трескалась и начинала кровить. Благо, уходя с хутора, он прихватил весь запас толченых трав и полотна для перевязок.

Подвесив над костерком чайник, парень стянул с себя рубаху и принялся осторожно разматывать повязку. Шипя от боли и тихо ругаясь, он промыл рану крепким первачом,

найденным в бабкином доме, и, присыпав ее смесью трав, принялся неловко перевязываться. Еле слышный хруст сучка заставил его выронить свернутую в рулончик ленту полотна и подхватить винтовку.

– Помочь? – удивленно улыбнувшись, тихо спросил подошедший к яме мужчина.

– И сам управлюсь. Ты кто? – невежливо отозвался Леха.

– Матвей.

– И чем ты тут промышляешь, Матвей? – не унимался парень, держа незнакомца на прицеле.

– Ничем. Мимо шел, да отсвет костра твоего приметил. Похоже, заблудился я, – признался мужчина с некоторой растерянностью.

– А куда шел-то? – насторожился парень.

– Мне к железной дороге надо, – помолчав, нехотя признался мужчина.

– Далеко ж ты, однако, забрел, – растерянно проворчал Леха. – Оружие есть?

– Револьвер да нож, – вздохнул мужик, откидывая полуармяка.

За поясом у него торчал револьвер одноразового действия фирмы Смит-Вессона. То, что он без самовзвода, Леха понял по высокой спице курка.

– Это где ж ты такую древность добыл? – фыркнул Леха, опуская винтовку.

– По случаю достался, – усмехнулся мужчина в ответ. – К

костру-то пустишь или прогонишь?

– Присаживайся. Только не балуй, – вздохнул парень. – Не смотри, что мне годов мало, пристрелю быстрее, чем пикнуть успеешь.

– Думаешь, что ты с винтовкой обернешься быстрее, чем я с револьвером? – иронично уточнил Матвей, спускаясь в яму.

Вместо ответа Леха одним плавным движением выхватил из-за спины трофейный револьвер Нагана. Оружие не самое большое и хватистое. Вздвогнув, Матвей удивленно хмыкнул и, качнув головой, осторожно устроился напротив парня, демонстративно держа руки на виду.

– Ты из казаков, что ли? Уж больно ловко у тебя с оружием получается, – помолчав, спросил он.

– Из них, – коротко кивнул Леха, снова принимаясь за перевязку.

– Давай помогу, – повторил свое предложение Матвей. – Да ты не беспокойся. Мне с тобой ссориться проку нет. Говорю же, заплутал я. А на тебя нападу, так вообще из тайги этой не выйду.

– Ну, помогай, – вздохнув, принял Леха помощь.

Матвей осторожно пересел поближе и, забрав у него рулончик полотна, принялся ловко перевязывать парня. Закончив, он вернулся на выбранное место и, кивнув на рану, поинтересовался:

– Где пулю поймал?

– Меня в армию забрать хотели, – снова вздохнул Леха. – Колчаковцы. А батя не дал. Вот на подворье и схлестнулись. Я сбежал, а чехи после всю станицу сожгли, – коротко рассказал он.

– А далеко станица твоя? – насторожился Матвей.

– Верст семь отсюда.

– А колчаковцы?

– Версты три в ту сторону. Там у них лагерь полевой. Я там пошумел сегодня малость, так что тебе туда лучше не соваться, – зло усмехнулся парень.

– Пошумел? Это как? – не понял Матвей.

– Пятерых офицеров в том лагере пристрелил, – хищно улыбаясь, ответил Леха. – За станицу. За родичей моих.

– Отомстил, значит, – понимающе кивнул мужчина, принимая у парня чашку с чаем.

– Отомстил. Иль ты из тех, кто, как попы говорят, по щеке ударили, другую подставь? – зашипел в ответ Леха.

– Нет, – усмехнулся Матвей. – Я не из них. Я вообще попам не верю. Да и остальным не очень.

– А остальным, это кому?

– А всем тем, кто у власти или властям служит.

– Так ты этот, как его, сицилист?

Про эту политическую братию Леха слышал много. И не всегда эти слухи были правдивыми. Впрочем, отличить правду от слухов тут было не сложно. Те, кто про них рассказывал, ввали так, что даже слушать смешно было.

– Социалист, – со смехом поправил его Матвей. – Ну, ежели коротко, то можно и так сказать. А вообще, я за то, чтобы каждый рабочий человек мог сам своей судьбой распоряжаться.

– А почему только рабочий? – удивился Леха. – Это что ж получается, что крестьяне или казаки те же не работают вовсе?

– Рабочий, в нашей с тобой беседе, означает человека, который что-то сам, своими руками делает. В том числе и те, кого ты назвал, конечно.

– Грамотный, – с непонятной интонацией протянул Леха. Сам он грамоте разумел. Приходскую школу одним из первых закончил, так что и читать, и писать, и считать умел.

– Грамотный, – улыбнулся в ответ Матвей. – Пять лет назад московский университет закончил.

– Анжинер, выходит, – понимающе кивнул Леха.

– Инженер, – снова кивнул Матвей.

– А в тайге нашей чего забыл?

– С каторги я сбежал, – помолчав, тихо признался мужчина, внимательно отслеживая реакцию парня.

– С каторги?! – удивленно переспросил Леха. – Это что ж ты, против царя умышлял?

– И против царя, и против власти бояр да князей всяких, – решительно кивнул Матвей. – Говорю же. Люди труда должны сами свою судьбу решать. И судить их должны не дворяне, а сами работные люди. Свои.

– Это получается, вроде как у нас. Казачий круг судит, – понимающе кивнул Леха. – Ну, это понятно. А империей тогда кто управлять станет, ежели царя не будет? Вон, учредительное собрание уже доуправлялось. Иностранцы в земле нашей что хотят делают.

В голосе парня прозвучало столько злости, что Матвей невольно вздрогнул и дернул рукой к револьверу за поясом.

– Не балуй, – глухо рыкнул Леха, моментально выхватывая свой ствол.

– Извини, – повинулся мужчина, показывая ему пустые ладони. – А ловко это у тебя выходит. Моргнуть не успел, а револьвер уже в руке. Научишь? А то я и стрелять толком не умею, – смущенно признался он.

– И как только ты с каторги сюда добраться сумел? – удивленно проворчал парень, убирая оружие. – По тайге ходить не умеешь, с оружием обращаться тоже. Другой бы сгинул давно. А ты ничего. Еще идешь.

– Так я тут неподалеку сидел, – усмехнулся Матвей. – Верст пятьдесят будет. На угольном разрезе.

– Это в Приаргунске, что ли? На самой границе который? – удивленно уточнил Леха.

– Там, – кивнул мужчина.

– Ну, ты и крюка дал, – усмехнулся парень. – Еще б немного, и к ханьцам бы ушел.

– Так мы что, на границе уже? – окончательно растерялся Матвей.

– Четыре версты в ту сторону, – мотнул парень головой, – и Китай будет.

– Так близко?

– А тут все близко. Только до столицы далеко, – рассмеялся Леха.

– Выходит, ты теперь сирота? – сменил тему мужчина.

– Выходит так, – разом помрачнел парень.

– И что делать станешь? Как жить будешь?

– Не знаю пока. Вот с иностранцами закончу, а там как бог даст.

– А может, со мной? В столицу? – неожиданно предложил Матвей.

– Зачем? – не понял Леха. – Чего мне там делать?

– А тут чего тебе делать? – поддел его мужчина.

– Где родился, там и сгодился, – пожал Леха плечами. – Может, в тайге жить стану, а может, вообще к ханьцам уйду. Там видно будет.

– Думаешь, у них лучше? – иронично усмехнулся Матвей. – Да и что ты там, языка не зная, делать станешь?

– А кто сказал, что я его не знаю? – хмыкнул Леха вопросом на вопрос. – И речь понимаю, и иероглифы их разбирать умею. У меня прабабка из ханьцев была. Она и научила, – пояснил он, предвосхищая вопрос собеседника.

– То-то я смотрю, на лицо ты вроде как и не русский, – понимающе кивнул Матвей.

– Ну, с лица воду не пить, – пожал Леха плечами.

– Не скажи, брат, – качнул Матвей головой. – Я с торговцами разными говорил. Так вот, они сказывали, что в Китае сейчас совсем плохо стало. Всякие англичане, немцы да японцы народ почти до скотского состояния довели. В некоторых местах родители вынуждены собственных детей продавать, чтобы от голодной смерти их спасти. Так что, прежде чем туда идти, подумай, как следует.

– Подумаю, – устало кивнул Леха, откидываясь на стену ямы и прикрывая глаза.

* * *

– Может, все-таки со мной? – спросил Матвей, задумчиво разглядывая блестящее в низине полотно чугунки.

– Нет. Я еще тут не закончил, – упрямо мотнул Леха головой.

– Думаешь, перестреляешь несколько десятков солдат, легче станет? – вздохнул мужчина.

– А я не на солдат, я на офицеров охотиться стану. Солдаты, это так. Ежели под руку подвернутся. Как батя говорил, без офицера любое войско это просто стадо.

– Ну, не скажи. Эти иностранцы все повоевавшие. Их просто так не напугаешь, – снова принялся убеждать парня Матвей.

– Хватит, – резко оборвал его Леха. – Ступай с богом.

– Ну, твоя жизнь, тебе решать, – снова вздохнул мужчина

и, пожав ему руку, направился к железной дороге.

Проводив его взглядом, Леха поправил лямку вещмешка и, перехватив винтовку поудобнее, нырнул в густой подлесок. Два дня он провел в той яме, давая растревоженной ране немного поджечь. К тому же в полковом лагере наверняка еще не закончилась паника после отстрела офицеров. Так что немного подождать имело смысл. Пользуясь возможностью, Леха утолял свое любопытство, задавая Матвею кучу вопросов.

Не все парень понимал, но многое из услышанного запахло ему в душу. Ведь на первый взгляд, все, о чем рассказывал этот беглый политический, было верно и справедливо. Но и вопросов от этого возникало еще больше. Леха просто не понимал, как может существовать государство, в котором все высшие должности выборные, а все заводы и фабрики принадлежат всем сразу. В его мировоззрение это не укладывалось.

Да и не верил парень в то, что подобное вообще возможно. Ведь так не бывает. Нет такого. Нигде. А то, что рассказывал Матвей, это просто мечты. Теория, как он сам сказал. Тряхнув головой, Леха отогнал воспоминания и, оглядевшись, свернул в сторону стоянки военных. Отпускать их просто так парень не собирался. За сожженную станицу он собирался мстить. Жестко. Кроваво. И прощать кого-то ему и в голову не приходило.

К вечеру он вышел к границе бивака и, выглянув из-за

дерева, хищно усмехнулся. Если прежде солдаты ходили по лагерю свободно, составив винтовки в пирамиды, то теперь каждому из них приходилось носить свое оружие с собой, а у пулеметов постоянно дежурили расчеты. Не спеша обойдя лагерь по дуге, Леха снова подобрался к месту, где стояли офицерские палатки, и, выбрав удобное место, плавно приложил винтовку к плечу.

Дождавшись, когда из самой большой палатки выйдут сразу три офицера, Леха сделал глубокий вдох и спустил курок. Три выстрела, и три трупа рухнули в пыль. Еще две пули парень выпустил в расчет пулемета. Дальше снова начался бег по тайге. С криками и воплями солдаты палили по лесу, пытаясь причинить ему хоть какой-то вред. Потом из лагеря выбежали солдаты и, разворачиваясь цепью, начали прочесывать подлесок.

Обежав лагерь, Леха сделал еще одну попытку выйти на расстояние точного выстрела, но на этот раз солдаты оказались умнее. Уже наученные горьким опытом, они окружили лагерь со всех сторон, держа тайгу на прицеле. Сообразив, что на один свой выстрел получит массированный залп, парень зло оскалился и, перезарядив винтовку, отправился к своей временной стоянке.

Яма от выворотня ему понравилась тем, что тихо к ней было не подобраться. Со всех сторон ее окружал бурелом. За прошедшие два дня, уходя на охоту, он сумел как следует изучить эти завалы и найти несколько мест, через которые из

этой ловушки можно спокойно выскользнуть. Не зная этих незаметных, можно сказать, тайных троп, пройти через бурелом было просто невозможно. А самое главное, крошечный родник протекал буквально в нескольких шагах от самой ямы.

То есть, даже если его логово будет окружено со всех сторон, то взять парня было бы очень сложно. С учетом того, что к винтовке Генри у него было с собой еще больше сотни патронов, а к карабину Мосина почти сотня в обоймах, то бой был бы весьма кровавым. Ко всему тому был еще и револьвер с полусотней патронов. Ну и сам Леха тоже не так прост, как могло показаться на первый взгляд.

Теперь, когда он точно знал, что с ним будет, сдаваться парень не собирался. Знания кулачного боя, которым его много лет подряд обучала бабушка, и отцовский кинжал делали его опасным противником. Очень опасным. О его умении драться даже в станице не раз говорили, когда Леха сходился на кулаках со сверстниками. Было пару раз, что приходилось успокаивать и взрослых казаков, крепко перебравших спиртного. В общем, любого нападавшего ожидал весьма неприятный сюрприз.

Пробежав по звериной тропе примерно с версту, Леха запрыгнул на широкий, приплюснутый валун и, перешагнув на другую его сторону, спрыгнул на выход каменной россыпи. Откуда в тайге взялся такой каменный язык и почему он до сих пор не зарос травой, парень не знал, да и не особо инте-

ресовался. Главное, что его можно было использовать, чтобы сбить со следа возможную погоню.

Сделав еще один крюк, Леха вернулся к лагерю и, улегшись на землю, принялся наблюдать за солдатами. Очень скоро ему стало понятно, что на этот раз офицеры из лагеря не выходили. Солдатами командовали унтер-офицеры и капралы. Приметив парочку самых на его взгляд опытных, Леха прижал приклад к плечу и сделал два выстрела. На этот раз ему тут же ответили два пулемета.

Не вставая, парень отполз поглубже в лес и, вскочив, помчался в тайгу, петляя словно заяц. Грохот пулеметов за спиной стих, и парень, остановившись, прислушался. Солдат снова погнали в лес, искать стрелявшего. Это Леха понял по треску сучьев, шелесту листвы и тихой ругани солдат, то и дело спотыкавшихся на торчавших из земли корнях. Ходить по тайге они не умели. Зло усмехнувшись, парень презрительно сплюнул и побежал дальше.

Следующие два дня он снова выжидал, выбираясь из своего логова, только чтобы понаблюдать, чем заняты пришлые солдаты. Напуганное жестокой расправой командование, очевидно, приказало им в обязательном порядке найти стрелка. Солдаты истоптали весь подлесок вокруг лагеря и то и дело прочесывали близлежащую тайгу. Сообразив, что к самому лагерю теперь не подобраться, Леха решил сменить тактику.

Прихватив с собой только кинжал и револьвер, парень

отправился туда, где очередная группа солдат прочесывала тайгу. Подобравшись к идущему с самого края иностранцу, Леха выбрал момент и, зажав ему рот ладонью, всадил клинок в спину. Длинный, бритвенной остроты кинжал еле слышно скрипнул о ребро и вошел в тело, как в масло. Дождавшись, когда солдат перестанет вздрагивать, парень снял с него ремень с подсумками и, выдернув клинок, плавно скользнул в подлесок.

Добраться еще до кого-то не представлялось возможным. Остальные солдаты видели друг друга и в любой момент могли заметить нападение.

– Ничего. Птичка по зернышку клюет, – зло усмехнувшись, еле слышно прошипел парень, разглядывая ломившихся по тайге солдат.

С этого дня он начал охоту на патрули и караульных. Дошло до того, что солдаты стали бояться выходить за территорию лагеря, а по самой территории передвигались, только прикрываясь палатками. Бегом. Офицерам вообще пришлось сменить свои мундиры на солдатские гимнастерки, но это им помогло мало. Выправку и властный вид не спрячешь, а стрелять Леха умел очень хорошо. Что такое промах на сто пятьдесят шагов, он давно уже забыл.

Так что, уйдя подальше в тайгу, он в овраге пристрелял трофейный карабин, и господам офицерам стало очень тяжело. В одну из ночей парень воспользовался тем, что в палатке горела лампа, и, прицелившись в маячившую на стене

палатки тень, спустил курок карабина. Плеснувшая на брезент кровь заставила его хищно усмехнуться и быстро откатиться в сторону. Пулеметчики не спали, и в ответ раздалась длинная очередь.

Пулемет системы Максима штука тяжелая, но стрелять может долго. Так что Леха не стал подставляться под шальную пулю и просто уполз, меняя точку. Следующий выстрел снял второй номер пулемета, и грохот очереди стих. Послышался металлический лязг и ругань. Похоже, падая, солдат дернул брезентовую ленту, и патрон перекосило в механизме подачи.

Еще через день в лагере появился десяток крепких мужчин в странной пятнистой одежде, и Леха насторожился. Этот десяток отличался от обычных солдат выправкой и ловкими, очень точными движениями. А как только они вышли из лагеря, парню стало понятно, что этот десяток не новички в любом лесу. Похоже, откуда-то командование прислало настоящих егерей, решив окончательно разобраться с возникшей проблемой. мрачно глядя на ловкие действия незваных гостей, парень решал, что делать дальше.

Воевать одному против десятка опытных бойцов было глупо. Эти знали, что делать в тайге и как по ней ходить правильно. А значит, рано или поздно они сумеют загнать его туда, где смогут просто уничтожить. Значит, нужно навязать им свою игру и заставить принять бой там, где это будет удобно самому Лехе. Осторожно следуя за егерями, па-

рень старательно вспоминал рельеф местности, где мог бы устроить на них засаду.

Случайно промелькнувшая мысль заставила парня остановиться и присесть на корточки. Чтобы избавиться от этих следопытов, требовалось заманить их туда, где им негде будет укрыться, при этом оказавшись выше них. И такое место Леха знал. Змеиная падь. Длинный, изгибающийся распадок, переходивший в глубокий овраг, попасть в который можно было только с одной стороны. Все остальные стены этого оврага были отвесными.

Но прежде чем начать эту охоту, нужно было как следует подготовиться. Убедившись, что егеря встали на старый след, который вел в обход лагеря, Леха осторожно отошел в сторону и побежал в нужном направлении. Чтобы завести егерей в овраг, нужно было подготовить себе выход из него. И для этого парню нужна была длинная крепкая веревка. Таковую он теперь мог найти только на хуторе покойной бабушки.

Спустя двое суток парень снова сидел в кустах у границ лагеря, выискивая взглядом егерей. Лагерь еще спал, так что Лехе пришлось дожидаться подъема и завтрака. Нужный десяток парень увидел сразу. Они отличались от обычных солдат, как строевой конь от крестьянской клячи. Сместившись так, чтобы видеть их всех, Леха выбрал удобный момент и, прицелившись в спину самому старшему по возрасту, выстрелил.

Не дожидаясь ответной пальбы, парень развернулся и помчался в нужную сторону. В том, что теперь егеря не успокоятся, пока не поймают его, он уже не сомневался. Пуля ударила десятника между лопаток, разорвав грудь и залив кровью сидевших рядом. Пробежав примерно с полверсты, Леха остановился и принялся высматривать преследователей. Бежал он так, чтобы след шел ровно, без резких поворотов и петель. Ему нужно было убедиться, что егеря идут за ним.

Увидев преследователей, Леха прижал цевье карабина к стволу дерева и, тщательно прицелившись, выстрелил в идущего первым. Опытные егеря тут же распластались на земле, а парень помчался дальше. Ему нужно было разозлить противника до такой степени, чтобы они ни в коем случае не вздумали бросить погоню. Так, раз за разом выбивая егерей, Леха довел их до Змеиной пади и, оторвавшись на последней версте, помчался к дальней стене оврага. Вскарabкавшись по заранее сброшенной сверху веревке, парень хозайственно смотал ее и, подхватив карабин, побежал в обратную сторону.

Несколько точек для стрельбы он присмотрел заранее. Теперь главным было, чтобы егеря не вздумали разделиться. Впрочем, гнали они его всей группой, а значит, менять тактику им было незачем. Весь план парня строился на том, что они не знали местности и не могли понимать, куда именно их заманивают. Самый сложный момент во всей этой затее был в том, что в полусотне шагов от входа овраг делал крутой

поворот, а дальше весь он просматривался до самого конца. Значит, едва обойдя скальный выход, егеря сразу поймут, что оказались в ловушке, и поспешат вернуться. Выходит, у Лехи была только одна возможность запереть их там. Устроить обвал. Именно на сбор большой кучи камней у него и ушел целый день. Устраивать подобные ловушки его еще покойный отец учил, так что действовал парень уверенно. Перебросив веревку, которой собирался устроить обвал, через перепутанные ветви ив, Леха затаился на краю оврага, ожидая появления преследователей. Его старая винтовка тоже была тут.

В данной ситуации ее скорострельность и объем магазина играли ключевую роль. Преследователи появились минут через двадцать после того, как сам парень устроился за большим камнем. Внимательно глядя на оставленные им следы, егеря вошли в овраг и свернули за скалу. В группе были все семеро. Трех Леха успел достать, заманивая их за собой. Убедившись, что вся команда тут, парень зло усмехнулся и с силой дернул за веревку.

* * *

Задумчиво вертя в руках бельгийский карабин, Леха только удивленно хмыкал, пытаясь угадать, откуда они тут взялись. Обычно колчаковские войска вооружались или винтовками Мосина из оставшихся военных запасов, или, как ино-

странные легионы, немецкими или английскими стволами. В основном, конечно, больше всего было немецких винтовок Маузера. Сам Леха, как и остальные казаки, от этих грохоталок старался держаться подальше.

Оружие хоть и мощное, но излишне тяжелое и неудобное. Особенно для кавалеристов. А вот такое оружие парень видел только один раз, на осенней ярмарке. Потому и сумел узнать. И вот теперь парень мучительно решал дилемму. Тащить это все на себе до бабушкиного хутора или собрать только патроны, забрав одну винтовку, а остальные припрятать где-то в этом же овраге. Задумчиво погладив снова занывший бок, Леха огляделся и принял соломоново решение.

С собой он решил взять только одну винтовку с двойным запасом патронов. Остальное спрятать здесь. Груза и так хватало. Больше всего парня порадовали револьверы Нагана, которые нашлись у троих унтер-офицеров уничтоженной группы. Один из них он так же забрал с собой, замотав остальные в промасленную тряпицу прямо в кобурах. Разобравшись с оружием, парень занялся остальными трофеями. В его положении ему нужно было всё. От продуктов до одежды.

Раздевая тела, парень по очереди оттаскивал их подальше от тропы, даже не собираясь заниматься похоронами. Это были его кровные враги, и тратить на них свои силы и время Леха не собирался. Избавившись от тел, парень задумчиво оглядел добытую одежду и мрачно скривился. Стрелял он

по привычке в грудь, так что стирки ему предстояло много. Мягкие свинцовые пули из его винтовки, пробивая грудину, сплющивались и не проходили насквозь, но раны оставляли серьезные. Так что все добытое ему еще предстояло привести в порядок.

Вообще, в сложившейся ситуации парню очень повезло. И в том, что егеря не стали разделяться, преследуя его. И в том, что, увлекшись погоней, они вломились в овраг, словно кабан в камыши. И в том, что они не ожидали от него умения так быстро стрелять. А стрелял Леха действительно быстро. Так он еще не стрелял никогда. В него словно бес вселился. Рычаг винтовки смещался словно заведенный, благо огонь ему нужно было вести сверху вниз, а спрятаться егерям было негде.

Мрачно скривившись, парень увязал окровавленную одежду в один большой узел и, закинув его вместе с амуницией на плечо, отправился в обратный путь. До бабушкиного хутора было примерно верст десять. До лагеря, откуда начался этот забег, около двенадцати, так что Леха, едва выйдя из распадка, тут же свернул в сторону. Идти обратно по собственным следам было бы глупо. Вполне возможно, что следом за егерями идут обычные солдаты. Подобного варианта парень не исключал.

Уже в полной темноте добравшись до хутора, Леха натаскал воды из родника и, замочив в корыте всю добытую одежду, завалился спать, даже не поев. Слишком много сил отня-

ли три последних дня. Проснулся он от того, что солнечный луч, просочившись в небольшое окно, уперся ему прямо в прикрытый веком глаз. Поморщившись, парень длинно, от души зевнул и, потянувшись, покривился. Рана снова дала о себе знать. Вздохнув, Леха поднялся и отправился приводить себя в порядок.

Первым делом, после умывания, требовалось заняться раной. Минувшим днем парню пришлось крепко потрудиться, и на бинтах снова проступила сукровица. Приготовив все для перевязки, Леха старательно отмочил присохшее к ране полотно и принялся снимать повязку. С шипением отодрав последние витки, он развернулся к свету и принялся рассматривать место ранения.

Все было не так плохо, как казалось. Да, рану он растревожил, но корочка, благодаря травам, только треснула. Отсюда и сукровица на бинтах. Вздохнув, Леха снова протер рану первачом и, засыпав ее смесью трав, принялся бинтовать живот заново. Стоявший на печке медный чайник, закипев, принялся тарыхтеть крышкой. Тихо выругавшись, парень прижал моток полотна локтем и, подхватив тряпицу, снял его с огня.

Кое-как перевязавшись, Леха занялся завтраком. Есть хотелось невероятно. Последний раз ел парень прошлым днем, еще до боя в овраге. Так что проснувшийся желудок требовал пищи весьма настоятельно. Отыскав среди трофеев сухари и банку тушенки, Леха решительно всадил в банку

свой охотничий нож. Не тратя времени на разогрев или еще какую готовку, он отогнул отрезанную крышку и, подцепив клинком кусок мяса, с ходу отправил его в рот.

Смолотив банку тушенки вприкуску с дюжиной ржаных сухарей, Леха с блаженным видом откинулся на стену дома и, сыто отдуваясь, тихо проворчал:

– Вот теперь и хозяйством заняться можно. Сегодня делами по дому займусь, а завтра к лагерю сбегая. Посмотрю, как они там без меня, – зло усмехнулся парень, поглаживая ладонью рукоять револьвера, с которым не расставался с момента добычи.

Попив чаю и немного передохнув, Леха занялся стиркой. Замоченные ночью в щелоче добытые вещи, к удивлению самого парня, отстирались полностью. На всякий случай потерев пятна еще и песком, Леха развесил все на заборе за домом и, выплеснув из корыта воду, устало осмотрелся. Солдаты, убив бабушку, разорили все хозяйство, унеся с собой не только кур для еды, но и уведя ее единственную козу. Да что говорить, если они даже ополовиненный горшочек с медом утащили. Только в сенях, в большом ларе оставалось пару мешочков муки и мешок ячневой крупы.

– Нехристи, – выругался Леха, беря в руки веник и начиная сметать нанесенный в дом мусор. – Что не унести, то сломали. Ладно хоть сам дом сжечь не додумались.

Тихо беседуя с самим собой, парень высказывал то, что беспокоило его с самого начала этой истории. Ведь после ги-

бели станицы идти ему, кроме как на этот хутор, было просто некуда. Благо была середина лета и до холодов еще имелось время. Но сделать предстояло очень много. Тут и заготовка дров на зиму, и плетение или покупка сетей для рыбалки, и поиск тары, где можно будет хранить продукты зимой.

– Твою ж за ногу! – выругался Леха, вспомнив, что для заготовок нужна соль. – А ведь бабушка словно чувствовала, все говорила, что нужно на торг за солью съездить. Своей у нее мало осталось. Выходит, это мне теперь придется еще и соль искать.

Выметя дом, парень вышел на улицу и, присев на ступеньку крыльца, вздохнул:

– Делать нечего. Придется в станицу идти и начать по подвалам шарить. Без припасов мне тут одному не выжить. Денег нет, а одной охотой не проживешь. К мясу завсегда хлебушек нужен.

Так, тихо ворча себе под нос, Леха поднялся и, подхватив винтовку, отправился к бабкиному леднику, устроенному на другой стороне сопки, где стоял бабушкин дом. Этот ледник выкопал еще его прадед. Свод укрепил стволами лиственницы, а пол выложил плоскими камнями, на которые потом бросил ровные жерди. Вход был с двумя дверями. На первой, что выходила наружу, был набит мох. За ней висела старая медвежья шкура. Дальше коридор на три шага и еще одна дверь, обитая с двух сторон оленьими шкурами.

Сделано все это было не просто так. В ледник зимой при-

носили с реки пиленный лед и укладывали его на жерди и вдоль стен. И только потом на этот лед ставили бочонки с зимним припасом. Эти две двери помогали сохранить лед до следующих морозов. А вместе со льдом и все зимние припасы. Прихватив из дома свечу, Леха спустился по тропе к двери и, чиркнув кресалом, затеплил огонь.

Быстро проскользнув в ледник, он проверил стоявшие там бочонки и, выбравшись обратно, проворчал, задув фитиль:

– Три бочонка с соленой рыбой. Еще один початый. Два бочонка солонины. Кабаний окорок. Бабушка коптила. И полбочонка с копченой рыбой. Ну, одному на долго хватит. Но боюсь, к весне зубы на полку сложу. Значит, все одно в станицу идти надо. Только как оттуда сюда найденное тащить? Коня-то нет, – озадачился парень. – Ни коня, ни телеги, ни денег. Похоже, придется солдат грабить. Только где потом животину держать? И сена для нее нет.

Вернувшись в дом, Леха поставил на печь чугунок с водой, решив сварить похлебки, и, привычно орудуя ножом, продолжил решать возникшую задачу. Отец и бабушка приучили его бережно относиться ко всем домашним животным, объясняя, что они помогают семье прожить. К тому же ему, воспитанному в казацких традициях, обречь коня на голодную смерть было просто противно. Это противоречило всему, чему его когда-то учили. Ведь для казака конь это не просто помощник в хозяйстве. Это прежде всего боевой соратник.

Так что кража коня у солдат отменяется. Да и найти его по следам копыт просто. Ведь это пешком Леха мог передвигаться, где хотел, укрываясь в тайге. А вот с конем так не получится. Значит, придется выходить на дорогу, а на дороге он будет приметен, словно таракан на столешнице. Поставив похлебку томиться, парень выскочил из дома и, зайдя в сарайчик, принялся рыться в куче старого хлама. Найдя старое колесо от ручной тачки, на которой когда-то перевозил навоз их хлева, Леха задумчиво хмыкнул и, почесав в затылке, вздохнул:

– Мне не навоз возить, а бочонки. Значит, и корыто не нужно. Кусок жердины вместо оси, и два обрубка, чтобы сам бочонок привязать. Так и докачу. Долго, конечно, но с раной больше одного мне и не взять.

Выйдя из сарая, парень оставил находку на крыльце и, оглядевшись, отправился к навесу, где хранились дрова. Найти четыре куска древесины было не долго. Аккуратно обтесав ножом тот, что должен был стать осью, Леха проверил, как он входит в ступицу, и, удовлетворенно кивнув, принялся стесывать на его концах посадочную площадку. Сделав такие же затесы на жердях, которые должны были стать лагами, на которые будет уложен груз, он примерил, как они подходят к оси, и отправился искать подходящую веревку.

Просто привязать лаги к оси было мало. Под нагрузкой они запросто могли выскользнуть из веревок. А еще требовалось придумать, чем смазать ступицу, чтобы она не скрипе-

ла и колесо легче проворачивалось. Обычно для таких целей использовался деготь, да только где его теперь взять? В очередной раз почесав в затылке, Леха снова вернулся в дом и, схватив со стола банку из-под тушенки, заглянул вовнутрь.

Лужица топленого жира масляно блеснула на дне. С сомнением покачав банку в руке, Леха коснулся жира кончиком пальца и, потеряв его, хмыкнул:

– Ну, на пару ходок должно хватить. А дальше еще чего придумаю. Главное, чтоб там было что везти. А уж как, найду.

Поставив банку на стол, парень вернулся к готовке. Высыпав из мешка несколько сухарей, он сбегал с чайником к роднику и, плюхнув его на печку, принялся рыться на полках, в поисках бабушкиной берестяной коробки с чаем. Вкус к этому напитку ему с детства привила бабушка Чин. Именно она научила его разбираться в сортах и отличать их по вкусу. А главное, она научила его правильно заваривать напиток.

Коробка обнаружилась за пустыми глиняными горшками. Видать, завалилась, когда солдаты рыскали по дому в поисках ценностей. Хотя тут с первого взгляда было понятно, что никаких богатств у старушки не было. Да, она держала три золотых червонца на свои похороны, но хранила их бабка совсем не в доме. Знала старая, что в доме станут искать в первую голову. Сам Леха отлично знал, где лежат ее сбережения, но трогать их пока не решался. Как ни крути, а похоронил он бабушку не по правилам.

Даже попу позвать не смог. Потому как не было больше ни попу, ни церкви. Только обмыл да передел покойницу в то, что было ею приготовлено специально для похорон. Благо до сундучка, что стоял под деревянной кроватью, солдаты не добрались. Видать, торопились. С чего, Леха так и не понял, но вот несколько больших кровавых луж у калитки навели его на размышления. А самое главное, пропал прадедов охотничий нож. С ним бабушка не расставалась после смерти мужа.

Перед уходом к лагерю Леха быстро осмотрел это место, но так ничего током и не понял. Только теперь, спокойно размышляя, он сумел хоть немного выстроить возможную картину событий. Бабушка всегда была гордой и смелой женщиной, и ломившихся к ней незваных гостей вполне могла встретить с ножом в руках. А если вспомнить, что Леху драться учила именно она, то появление кровавых луж становится вполне понятным. Она прирезала пару солдат, и ее в отместку убили. На подобное бабушка Чин вполне могла решиться.

* * *

Ловко передернув затвор, Леха сменил позицию и, выцелив очередного преследователя, спустил курок. Вот уже сутки солдаты гнали его, словно зверя, явно пытаясь или уничтожить, или отогнать как можно дальше. Но Леха не сда-

вался. То и дело огрызаясь метким огнем, он довел преследователей до истерики. На каждый его выстрел они отвечали шквальным огнем, ожидая, что хоть одна из сотен пуль его достанет.

Но Леху с сопливого детства учил и натаскивал родной отец, который на пограничных стычках стаю собак съел. Сделав выстрел, парень тут же менял позицию и замирал, пережидая ответный огонь. Потом, оторвавшись, снова устраивал засаду, и все повторялось. Иногда он успевал выстрелить дважды, и тогда солдаты использовали легкие пулеметы Льюиса. Толстая самоварная труба ствола с блином магазина сверху.

Грохоту и шума от этой штуки было много, но тайгу пулями она засыпала исправно. Так что, едва только приметив суету в рядах противника, Леха тут же уходил за самое толстое дерево, находившееся рядом, и, вжавшись в землю, пережидал ответную стрельбу. Как они пересекли китайскую границу, ни Леха, ни его преследователи и сами не поняли. Ну не было в тайге ни пограничных столбов, ни колючей проволоки.

Просто, после очередной перестрелки, уйдя вперед, парень приметил в просвет меж кустов вереницу вооруженных людей и тут же свернул в сторону, обходя незнакомцев по большой дуге. Неизвестные шли прямо ему навстречу. Отбежав от места, где встретил неизвестных, примерно на версту, Леха услышал звуки яростной перестрелки. Похоже, солда-

ты и та группа неизвестных столкнулись, и теперь яростно выясняли, кто из них лучше стреляет.

Зло усмехнувшись, парень бесшумно скользнул в подлесок и, поправив лямки вещмешка, побежал дальше. Теперь, когда солдаты спалили последнее его пристанище, на территории бывшей империи его больше ничего не держало. Взобравшись на очередную сопку, Леха осмотрелся и, убедившись, что вот уже полдня движется по территории соседнего государства, грустно усмехнулся.

От купцов и старших казаков парень знал, что в Китае все совсем не так радужно, как может показаться на торге, когда ханьские купцы расхваливают свой товар. Императорские чиновники только назывались императорскими. На самом деле, они скорее служили иностранным господам, которые просто разделили огромную страну на зоны влияния и управляли там по своему усмотрению. Что такое зона влияния, Леха понимал плохо, но о смысле этого словосочетания догадывался.

Самую большую территорию отхватили себе британцы. За ними, не сильно уступая, шли японцы. А после них часть побережья захватили немцы. Были еще французы и всякие бельгийцы, но у этих особого влияния на императорский двор не было. Главные скрипки в этом оркестре были у британцев. Японцы, хоть и гордо делали вид, что сами принимают решения, но всем было прекрасно известно, что без команды из Лондона они даже тявкнуть не посмеют.

Приметив в стороне крыши нескольких фанз, Леха прикинул примерное расстояние и, с сомнением покачав головой, решил обойти деревню стороной. У обычных китайских крестьян в домах было тесно и неуютно. А встречаться с маньчжурами означало самому себе ошейник раба надеть. Эти разбойники никогда не упускали случая забить в колодки православного. Да и не хотелось ему, если честно, сейчас с кем-то встречаться. Еще слишком свежа была рана от гибели всей семьи. Не хотелось никому объяснять, откуда он тут взялся и что собирается делать дальше.

Обойдя деревню, парень вышел на берег небольшого ручья и, прикинув расстояние до ближайшего китайского города, начал устраиваться на ночевку. Если пройти по тайге еще верст семьдесят и переправиться через речку Аргунь, то можно будет выйти к городу Мордага. Именно туда Леха и решил пока отправиться. И пусть заправляли там в основном японцы, но это было единственное крупное поселение, на полторы сотни верст вокруг.

После того, как солдаты согнали Леху с хутора, устроиться на новом месте до холодов он просто не успеет. Вот и пришлось ему искать место, где можно будет пережить зиму. Искать пристанища на территории России Леха не решился. Приказ адмирала Колчака о призыве в армию всех способных держать в руках оружие он не забыл и воевать непонятно за что не собирался. Не для того отец в драку влез и жизни лишился, чтобы Леха стал пушечным мясом.

В силу возраста в казачий эскадрон его просто не примут. В реестре казачьем парень не значился. Выходит, забреют его в пехоту, а становиться серой скотинкой Лехе казачья гордость не позволяла. Правила жизни ему, родовому казаку, прививали с молоком матери. А в городе, благодаря внешности, он сможет затеряться. Благо денег, снятых трофеем с убитых егерей, было в достатке. Этим бойцам платили английскими фунтами, а на территории Китая эти деньги очень ценились.

За один английский фунт давали пять серебряных китайских лян. Именно серебряных монет за бумажку. Всей этой механики Леха не понимал, но подобное сравнение серебра с бумагой всегда называл полной дурью. Выскочивший из кустов заяц заставил парня вздрогнуть и еле слышно выругаться. Нервы и так были натянуты после бегства, словно струны, а тут этот косой вылетел из-под куста, словно пинка получил.

На всякий случай проверив патрон в патроннике, парень принялся собирать хворост для костра. Начало смеркаться, когда котелок и чайник, наполненные водой, вскипели, и Леха принялся варить похлебку. Нарубленный еловый лапник послужил постелью, а оленья шкура и кусок брезента матрацем и одеялом. К походной жизни Лехе было не привыкать.

Проснулся парень от тихого хруста сухого сучка. Плавно взведя курок револьвера, парень чуть приоткрыл глаза и, стараясь не шевелиться, прислушался. Кто-то крался к его биваку, пытаясь подобраться поближе, но получалось у него

это не очень хорошо. Незвестный явно был не новичком в тайге, но ловкости ему не хватало. Неожиданно чуткий нос парня уловил запах. Станный, неожиданный, которого в тайге никак не могло быть. Это был запах цветущего жасмина. Ароматные притирания для дам парень пару раз видел на торгу, потому и запомнил, как они пахнут.

А самое главное, запах этот доносился со стороны, противоположной той, откуда прозвучал хруст ветки. Выждав, пока шаги приблизятся к самому краю бивака, Леха одним стремительным движением перекатился в сторону, вскидывая револьвер. Не ожидавшие такой его реакции неизвестные негромко охнули и замерли в нелепых позах, уперевшись взглядами в ствол револьвера.

– Кто вы и что здесь делаете? – спросил Леха на наречии мандарин.

– А ты кто? – послышался вопрос на манджу.

– Просто прохожий, – усмехнулся Леха, переходя на тот же язык.

– Станный ты, прохожий, – удивленно протянул мужик лет сорока. С виду его можно было принять за обычного китайца, но наметанный взгляд парня сразу определил в нем уйгура.

Смуглая кожа, лицо без признаков возраста. Натруженные руки и внимательный, цепкий взгляд настороженных глаз. Судя по одежде, мужик недавно перешел границу с Монголией. Оглянувшись туда, где должна была быть спут-

ница мужика, Леха заметил тоненькую фигурку, испуганно прижавшись к стволу кедра, и, плавно поднявшись на ноги, с угрозой спросил:

– Решили меня ограбить?

– Нет, хотели только посмотреть, кто тут нашелся такой смелый, что рядом с отрядом японских солдат костер жжет, – решительно мотнул мужик головой.

– Девчонку сюда позови, – приказал Леха, плавно качнув револьвером. – Не люблю, когда кто-то за спиной стоит.

– Позволь нам просто уйти, парень, – вздохнув, тихо попросил мужик. – Я не знаю, кто ты, но не хочу с тобой драться. Это было бы глупо.

– Вот как? – иронично хмыкнул Леха. – Похоже, вы тоже решили стать просто прохожими. От кого прячетесь и кто может идти по вашим следам? – жестко спросил он.

– Зачем тебе это? – помолчав, уточнил уйгур. – Это только наша беда.

– Теперь, когда ваши следы ведут к моему лагерю, уже нет. Так что я должен знать, кто меня придет убивать и за что. Говори.

– Эта девушка дочь императорского судьи. Ее увидел японский офицер и захотел взять себе. Судья отказал. Теперь мы вынуждены бежать, – коротко поведал мужчина.

– Так вы идете в Монголию, а не из нее, – сообразил парень, разглядывая костюм мужчины.

– А ты хорошо разбираешься в наших делах, – удивлен-

но протянул мужик. – Откуда ты тут взялся? Знаешь высокое наречие и язык манчжоу-го, различаешь виды одежды, да еще и с оружием обращаться умеешь. Кто ты?

– Зови меня Лю, – помолчав, представился парень. – Я родился в приграничье и потому знаю все то, что ты перечислил.

– Просто Лю, и все? – не поверил уйгур.

– Ну, имени судьи и девушки ты тоже не назвал, хотя был его охранником, – поддел мужика Леха.

– Господин, у вас не найдется немного хлеба, – вдруг тихо спросила девушка, подойдя к тлеющим углям. – Мы не ели два дня. С тех пор, как вынуждены были бежать из Мордаги.

– Бежали верхом, по дороге, – тут же сообразил Леха, разглядев ее костюм.

– Ты словно сам у судьи служил, – удивленно проворчал уйгур.

– Так ведь задачка нехитрая, – усмехнулся парень. – В такой одежде знатные женщины иногда совершают верховые прогулки. Не часто, но так бывает. А раз вы оказались здесь, значит, коней вам пришлось бросить, когда японские солдаты начали вас нагонять.

– Вы словно сами там были, – удивленно охнула девушка.

– Понятно, – задумчиво буркнул парень и, достав из кучи лапника котелок с похлебкой, протянул его девушке. – Вот, поешьте. А ты Расскажи мне пока, что происходит в городе и кто там теперь командует.

– Японцы, – скривился уйгур. – Несколько месяцев назад в город вошел целый полк их пехоты, и теперь китайцы на собственной земле словно рабы. Любого, кто посмеет дерзко взглянуть на них, могут убить без всякого суда. Просто так.

– Весело, – проворчал про себя Леха, скривившись.

Услышанное ломало все его планы. Лезть в это змеиное гнездо было глупо.

– Господин Лю, а куда идете вы? – тихо спросила девушка, передавая котелок своему охраннику.

– Думал зиму пожить в Мордаги, а теперь не знаю, – нехотя признался парень. – Боюсь, с японцами я не уживусь. Ладно, придумаю еще что-нибудь.

– А вы не согласились бы пойти с нами? – осторожно поинтересовалась девушка.

– Ищете себе охрану, – понимающе усмехнулся парень. – Но в Монголии мне делать нечего. Да и вам там тоже будет опасно. Думаю, вы и сами это понимаете.

– Выходит, нам вообще некуда идти? – растерялась девушка.

– Если только на юго-запад. Туда, где тепло и можно спокойно жить, не опасаясь замерзнуть. Здесь, на севере, пережить зиму без припасов и крепкого дома будет очень сложно, – вздохнул Леха, мысленно проклиная солдат, спаливших хутор.

– У нас нет лошадей, чтобы ехать так далеко, – буркнул уйгур, жуя.

– Да, пешком такой путь мне не одолеть, – грустно кивнула девушка, вытягивая ножку.

Сначала Леха не понял, что именно она хочет ему сказать, но потом, когда взгляд парня опустился от бедра до ступни, он сообразил, о чем речь. По старой традиции девушки из хороших семей перетягивали себе ступни ног, чтобы они не росли. Ходить им было сложно, но это считалось одним из эталонов красоты. Для самого Лехи подобные вещи были странны, но лезть в чужой монастырь со своим уставом он не собирался.

– Тогда не знаю, что еще вам сказать, – развел парень руками.

– Но почему вы не хотите идти с нами? – не унималась девчонка.

– У меня свои дела, и вас в них нет, – пожал Леха плечами.

– И что вы собираетесь делать дальше? – тут же последовал вопрос.

– Найду место, где можно будет пережить зиму, и отправлюсь отдавать долги, – зло усмехнулся парень. – У меня к иностранным солдатам большой счет. И оплачивать они его будут своей кровью.

– Кажется, я понял, кто ты, – неожиданно сказал уйгур, вымачивая в остатках похлебки кусок сухаря. – Ты русский казак. Я слышал, что эти воины берут себе в жены ханьских женщин. Ты родился от такого брака. Не большеносый, но и не ханец. Полукровка.

– Ты весьма проницателен, – иронично усмехнулся Леха, заваривая чай.

* * *

Сделав два быстрых выстрела, Леха нырнул в кусты и, пригибаясь, побежал так, чтобы пересечь направление движения японцев. Из города, в погоню за девушкой, было отправлено два взвода солдат. Похоже, командир подразделения, занявшего город и решившего сделать дочку судьи своей наложницей, не решился отправлять за ней больше своих подчиненных. Но и этих двух взводов было бы более чем достаточно, не наткнись они на Леху.

Уж чему-чему, а воевать в тайге парня учили так, что он во время учебы кровавым потом обливался.

– Лей пот в учебе, а не кровь в бою, – постоянно повторял отец, пуская в ход нагайку, когда Леха в очередной раз пытался отговориться усталостью.

Но опытный казак был безжалостен. Впрочем, подобным образом учили не только его. Как и большинство его сверстников, мальчишка мечтал стать настоящим пластуном. Элитой любого казачьего воинства. Разведчики, диверсанты, тайные тени войны, в ряды которых попадали единицы из сотен. И потому жадно впитывал все, что могло бы хоть как-то помочь ему выдержать экзаменацию при наборе в учение к пластунам. Отбор туда был тяжелым, и не каждый канди-

дат его выдерживал. Так что наука отца и бабки для Лехи была просто манной небесной.

Заметив слева от себя какое-то шевеление, Леха осторожно присел на колени и, плавно подняв карабин, спустил курок. Выстрел и последовавший за ним вскрик ясно сказали парню, что он не промахнулся. Хлопки японских «арисак» заставили парня презрительно усмехнуться. Видел он японские винтовки. На открытом месте весьма опасное оружие, а вот в тайге, где и подлесок густой и препятствий много, трехлинейный карабин поглавнее будет.

Его тяжелая пуля сносит все лесные препятствия, дотягиваясь до цели. Сами японцы народ все больше легкий, subtilный, потому и вынуждены пользоваться подобным оружием. Ему же, как потомку многих поколений воинов, карабин был в самый раз даже в этом, еще юном возрасте. Крепкий, широкоплечий юноша орудовал им, словно хворостинной. В очередной раз оторвавшись от солдат, Леха взбежал на сопку и, заняв позицию, чтобы отсечь преследователей, снова вернулся к событиям этого суматошного дня.

Разговаривая с городскими беглецами, парень все больше склонялся к мысли, что ему с ними не по пути. У него была своя дорога. Но появление японских солдат спутало ему все карты. Всю троицу беглецов спасло только то, что ходить по тайге японские солдаты просто не умели. Кто-то из них умудрился споткнуться и свалиться в какую-то яму, при этом громко вскрикнув. Этого Лехе хватило, чтобы момен-

тально подхватиться со своего места и начать быстро сворачивать лагерь, попутно командуя остальными.

– Боло, забирай девчонку и уходи. На тропу не выходите. Так вас быстрее догонят, – приказал он уйгуру, увязывая свою постель в удобный тюк и проверяя оружие.

– Ты pomoжешь нам? – прямо спросил телохранитель, сжимая кулаки.

– Я начну с ними воевать, так что у вас будет время, чтобы уйти, – увернулся Леха от прямого ответа.

– Лю, прошу вас, не дайте им схватить меня. Вы можете сделать это быстро, – тихо, но очень решительно попросила вдруг девочка. – Из вашей винтовки хватит одного выстрела.

Не ожидавший таких слов Леха на мгновение замер, переваривая услышанное.

– Не спешите умирать, – буркнул он, взяв себя в руки.

Эта девочка напомнила ему его бабушку Чин. Такая же маленькая, тонкая и при этом очень сильная. Словно внутри этих женщин скрывался стальной клинок. Тряхнув головой, Леха улыбнулся девушке одними губами и, оглянувшись на телохранителя, повторил приказ:

– Уходите. Я постараюсь их задержать. Боло, ты умеешь стрелять?

– Только из лука, – мрачно качнул телохранитель головой. – Такое оружие, – он кивнул на винтовку в руках парня, – стоит у нас очень дорого и носить его простым людям запрещено.

– Тогда не теряй времени. Сажай ее себе на спину и уноси. Сама она далеко не уйдет, – посоветовал парень и, закинув вещмешок на плечи, двинулся навстречу солдатам.

Уже через полсотни шагов он наткнулся на японский авангард и, в быстром темпе выпустив три пули, начал свою игру. Японские солдаты, озверевшие от неожиданных потерь, бросились в погоню за ним, забыв на время о поисках беглянки. Этого Леха и добивался. То и дело устраивая короткие засады, он плавно уводил японцев в сторону от следа беглецов. Вот и теперь, устроившись на гребне сопки, он тщательно выцелил солдата с какими-то знаками на погонах и выстрелил.

В ответ захлопали японские винтовки, но все их пули ушли гораздо выше. Пользуясь моментом, Леха добил магазин винтовки патронами и снова всмотрелся в подлесок, попутно размышляя о том, как вообще могла случиться вся эта катавасия. Будучи еще мальчишкой, он часто слышал, как старшие казаки обсуждали происходящее в империи. К тому же многие из них, возвращаясь с германского фронта, рассказывали такое, что Леха просто не мог поверить в услышанное.

Сначала в столице случилась какая-то революция, и император перестал управлять государством. Потом случилась война с германцами, и народ поначалу поднялся. Но спустя пару лет появились воззвания, в которых говорилось, что вся эта война нужна только буржуазии. Что это такое, Леха тол-

ком не знал, но интуитивно понимал, что это неправильно. Потом в столице снова что-то случилось, и неожиданно объявили о замирении с немцами.

Новости в их места всегда приходили с большим опозданием, но после октября тысяча девятьсот семнадцатого года их вообще приходилось ждать чуть ли не годами. Доходило до смешного. Казаки, пытаясь узнать хоть что-то, вынуждены были покупать на пограничном торгу у китайцев английские газеты и искать знатока, способного их перевести на русский язык. Именно так Леха узнал, что адмирал Колчак собирает войско для сопротивления какой-то Красной армии.

Что это за армия, откуда она взялась и за кого воюет, парень так толком и не понял. И объяснить это ему никто не мог. Казаки и сами не очень понимали, чего добиваются эти странные люди, называвшие себя социалистами. Только после разговора с Матвеем парню стало хоть немного понятно, за кого именно воюет эта самая Красная армия. Но поверить в рассказанное парень не мог. Ну не бывает так, чтобы кто-то мечтал о счастье для всех простых людей. Парнем Леха был простым и приземленным и в сказки перестал верить уже давно.

Выстрелив еще три раза и явно крепко зацепив двоих, Леха скатился с сопки и снова углубился в тайгу. Следующим рубежом стал край оврага, где нашелся удобный скальный выход. Обойти парня в этом месте было очень сложно. Спра-

ва овраг, а слева длинный бурелом, перебраться через который было невозможно. Устроившись поудобнее, Леха вслушался в привычный шум тайги и, злорадно усмехнувшись, тихо проворчал:

– С казаком воевать это вам не фунт изюму.

Японцы, нарвавшись на неожиданную тактику лесной войны и понеся серьезные потери, явно уже не рвались в бой. А самое главное, до них наконец дошло, что погоня за парой беглецов превратилась в затяжной бой, в котором они забрались в такие дебри тайги, выбраться из которых без проводника не представляется возможным. А самое главное, след беглецов был безнадежно потерян.

Выждав примерно час и убедившись, что атаковать японцы не собираются, Леха снялся с места и, оббежав бурелом, зашел остаткам японского отряда в тыл. Как оказалось, солдаты решили устроить привал и думать, что делать дальше. Из двух взводов, а это примерно шесть десятков штыков, на ногах осталось только половина. Часть парень перестрелял, но больше было раненых, бросить которых солдаты не могли.

Убедившись, что о погоне японцы уже и не помышляют, Леха развернулся и помчался по своим следам обратно. Находя оставленные тела убитых, он быстро обыскивал их, забирая только то, что могло помочь выжить в тайге или принести пользу. Штыки от винтовок, сабля унтер-офицера, английские деньги и консервы. К удивлению парня, в ранцах японских солдат из консервов была только рыба и рис. Ни

муки, ни хлеба они с собой не носили.

– Теперь понятно, чего вы такие тощие, – бурчал парень, быстро проводя обыск вещей. – На одной рыбе далеко не уедешь.

Все холодное оружие парень решил отдать уйгуру, оставив себе только один штык. Сталь на эти ножи пошла добрая, и использовать такой клинок можно было в самых разных условиях. Тем более что отцовский кинжал Леха решил сохранить любой ценой. Очередной солдатский ранец подарил парню дюжину серебряных монет и два золотых английских соверена. Завернув эту добычу в отдельную тряпицу, Леха помчался дальше.

Часа через четыре, вернувшись к месту своей ночевки и быстро разобравшись в следах, побежал следом за беглецами. Еще через два часа он застал их на берегу ручья. Вымотанный и потный Боло лежал в траве, пытаясь отдышаться. Бесшумно выскользнув из-за дерева, Леха остановился рядом с девушкой и, бросая на землю свою поклажу, иронично проворчал:

– Эдак вы и до зимы в Монголию не попадете.

– Лю! – обрадованно ахнула девушка. – Как вы здесь оказались? Там же так много стреляли.

– Ну, стрелять и попадать штуки разные, – нахально усмехнулся юнец. – Боло, эти клинки я тебе принес. А то бегаешь по тайге с голыми руками, – Леха бросил перед телохранителем брякнувший сверток. – Как вас только до сих

пор волки не съели?

– Нам пришлось бежать с тем, что было в руках. Все случилось очень быстро, – угрюмо пояснил уйгур, развязывая полученный тюк.

– Понятно. Тогда это тоже вам, – вздохнул Леха. – Там рис и консервы из рыбы. Не много, но хоть с голоду не помрете в пути. И еще. Вот, спрячь, – протянул он телохранителю узелок с найденными монетами. – Получится, хоть одну лошадь купишь.

– Ты отдаешь нам серебро? – растерянно уточнил уйгур, держа на широкой ладони развязанный узелок.

– Отдаю, – пожал Леха плечами. – Я с него не разбогатею, а вам оно может жизни спасти.

– Лю, идемте с нами, – тихо попросила девушка, имени которой Леха так и не удосужился узнать.

Да и не принято в культуре ханьцев называть свое имя незнакомцам ниже себя по происхождению. А для дочери императорского судьи Леха точно был не ровней. Большено-сый, да еще и полукровка.

– Нет, – чуть помолчав, решительно тряхнул парень головой. – У меня свои дела. Чем смог, помог вам, а дальше уж сами. А тех солдат можете не бояться. Им теперь не до вас. Самим бы выжить. Но и рассиживаться здесь не стоит. Чем дальше уйдете, тем лучше.

– Ты прав, – вздохнув, поднялся телохранитель. – Нам действительно надо идти.

Быстро навесив на себя все оружие, он закинул на спину ранец японского солдата, в котором Леха принес им продукты, и, остановившись перед парнем, неожиданно сказал:

– Благодарю тебя, воин.

– Храни вас Будда, – кивнул в ответ Леха, вспомнив наставления бабушки. – Будь верен слову.

В ответ телохранитель коротко поклонился и, повернувшись, протянул девушке руку. Поднявшись, она задумчиво посмотрела на парня и, неожиданно шагнув к нему, глубоко поклонилась. Потом, выпрямившись, подошла еще ближе и, приподнявшись на цыпочки, еле слышно прошептала, глядя ему в глаза:

– Меня зовут Юе. Благодарю тебя, воин Лю. Я буду молиться за тебя.

Развернувшись, она ухватилась за руку своего телохранителя, и вскоре они скрылись за деревьями.

– Юе значит, – задумчиво хмыкнул Леха, глядя им вслед. – Весна вроде по-вашему. Запомню. Может, когда и свидимся.

Бросив задумчивый взгляд в небо, парень прикинул расстояние, на которое ушел от солдат, и, подумав, отправился искать место для лагеря. Нужно было отдохнуть, поесть и почистить оружие. А самое главное, сделать себе очередную перевязку. Как говаривала бабушка Чин, за раной обязательно нужно ухаживать, иначе в ней появится гной и очень скоро любая, даже легкая царапина может стать смертельной.

Найдя заросли лещины, Леха забрался в самую гущу кустов и, срубив несколько веток, принялся обуустраивать лагерь. Выкопав ножом ямку, он натаскал хвороста, нарубил лапника на подстилку и, принеся воды, развел костер. Пока закипала вода в котелке и чайнике, парень успел почистить винтовку и заточить два трофейных штыка до бритвенной остроты. Благо масло и оселок у него всегда были с собой.

* * *

Полученные от беглецов сведения заставили Леху задуматься над вопросом, что делать дальше. Лезть в город, находящийся под контролем солдат, с которыми только что воевал, было безумием. Но и оставаться в тайге во второй половине лета, имея все шансы застрять тут на всю зиму, тоже было глупо. Сидя у костерка, парень старательно вспоминал все известные ему крупные населенные пункты, где можно было бы затеряться среди местного населения.

Но как назло, ничего толкового на ум не приходило. К тому же, если оккупационные войска добрались до таких удаленных от побережья мест, то почему они не могут оказаться и дальше? Но гадать можно было до морковкина заговенья, а выяснить что-то точно возможно только одним способом. Увидеть это самому. Припомнив карту, Леха неожиданно сообразил, что оккупанты решают вполне понятную задачу.

Они пытаются отрезать от границы Российской империи

все территории Китая, после чего, вполне возможно, попытаются захватить и приграничные русские земли. Во всяком случае, по слухам, во Владивостоке и Приамурье они уже стоят. А это значит, что их планы начали воплощаться в жизнь. Мрачно хмыкнув, Леха подкинул в костер хвороста и, вздохнув, еле слышно проворчал:

– Знать бы, что все это нужно будет, специально бы у попа карту выпросил.

Азы географии, как и грамоту, казачатам преподавал приходской священник. Но выученных у него знаний явно не хватало. Леха, хоть и считался грамотным, теперь и сам понимал, что образования ему серьезно не хватает. Разровняв обушком ножа землю, парень принялся кончиком клинка вырисовывать границу, чтобы наглядно представлять, где находятся ханьские города.

Мордага была для него закрыта. Ближайшими к нему были поселения Гэньжа, Маньгуй, и Гулянь. В крайнем случае можно было попробовать добраться до города Гэньжэ. Далеко, конечно, но делать нечего. Остаться в тайге не было никакого смысла. Но прежде чем искать себе пристанище, Леха решил еще раз навестить родные места. Планы посчитаться с иностранными легионерами он не оставлял.

Прикинув, что до дома он сможет пройти примерно за четверо суток, парень задумчиво почесал в затылке и, подтянув к себе вещмешок, принялся пересчитывать оставшиеся патроны. Такой переход по тайге без оружия мог закончиться

очень плохо. Убедившись, что на пару перестрелок патронов еще хватит, Леха хищно усмехнулся и, поднявшись, отправился проверять силки.

Опытный человек в тайге всегда прокормится. Охотиться на крупную дичь парень не стал. Выстрел в любом лесу слышно далеко. Да и не нужно было ему много мяса разом. Не сохранить будет. А вот поймать силками куропатку, глухаря или зайца – самое оно. Одной добытой тушки ему хватало на двое суток. Есть сухари, в тайге можно накопать черемши, так что с голоду не пропадешь. В тех же зарослях лещины парень набрал созревших орехов, разнообразив свой рацион.

Вернувшись к костру с добычей, Леха разрубил уже обдранную заячью тушку на две части и принялся варить похлебку, попутно насаживая куски второй части на прутики. Похлебка на ужин и завтрак, а жареная зайчатина на следующий день. В дороге будет не до готовки. Приняв решение, парень с ходу начал готовиться к переходу обратно. Поднявшись с первыми лучами солнца, он умылся в роднике и, позавтракав остатками похлебки, свернул лагерь.

Спустя два часа после подъема он шагал по тайге в сторону границы, чутко отслеживая все происходящее вокруг. Дорога до дома прошла спокойно. Спустя четыре дня парень вышел на окраину сгоревшей станицы и, оглядевшись, грустно вздохнул. Убедившись, что на пожарище ничего не изменилось и чуда не случилось, Леха свернул в сторону и, обой-

дя станицу по дуге, направился к хутору бабушки. Это было странно, но именно туда его тянуло больше всего.

Поймав себя на этой мысли, парень удивленно хмыкнул и, чуть пожав плечами, тихо проворчал:

– Бабуль, ты помогать решила, или я чего не так сделал?

В народе бродили рассказы, что неправильно похороненные родственники могут начать преследовать своих потомков, чтобы заставить их исправить свои ошибки, но Леха в это не верил. Бабушка Чин всегда любила его. Это он знал точно. Скорее, парень склонялся к мысли, что ему хочется вернуться туда, где ему было хорошо. Не получив ответа, парень грустно усмехнулся и зашагал дальше.

Лагерь легионеров он нашел на своем месте. За то время, пока Леха носился по тайге, солдаты явно успокоились и ослабились. Даже офицеры снова стали перемещаться по территории в своей форме. Приметив двух офицеров в чинах, что-то неспешно обсуждавших у коновязи, Леха не удержался и, выбрав удобную точку, поднял карабин. Тяжелая винтовочная пуля, пробив грудь одного, ударила в грудь же второго офицера, а Леха, нырнув в кусты, помчался обратно к станице.

Выстрел полковой трехдюймовой пушки стал для парня полной неожиданностью. Прошелестев над верхушками деревьев, снаряд рванул где-то впереди, и Леха, моментально сменив направление, побежал обратно к границе. Если решат искать по следам, пусть ищут на сопредельной террито-

рии. Но к его удивлению, преследовать его никто не стал. Отойдя версты на три в сторону, парень устроился на ночевку, решив проверить результат своего нападения утром.

Ночь прошла спокойно, и с рассветом парень уже сидел в кустах у границы лагеря, пытаясь понять, что тут происходит. Солдатский лагерь напоминал разворошенный муравейник. Палатки сворачивали, солдаты строились в колонны и направлялись куда-то в сторону станции. А над всем этим стояли ор и мат унтер-офицеров и ржание обозных лошадей.

– Они уходят? – удивленно спросил сам у себя парень. – Не, я так не согласен. Им еще за родителей ответить надо.

Оттянувшись назад, парень нырнул в подлесок и, отойдя подальше, помчался в сторону железнодорожного полустанка. Если где и смогут погрузить всех этих солдат в вагоны, то только там. Что именно он собирался сделать, Леха пока и сам не знал, но отпускать убийц своей семьи просто так не собирался. Добежав до чугунки, как тут называли железную дорогу, парень уселся в кустах и принялся наблюдать за погрузкой. Лошадей заводили в теплушки, а на платформы грузили пушки. Для офицеров в составе имелось два купированных вагона.

– И как мне до вас добраться? – еле слышно ворчал Леха, наблюдая за погрузкой солдат. – Тут одним карабином не обойдешься. С ходу срежут, – бурчал он, разглядывая установленные на платформе пулеметы, обложенные мешками с песком.

Припомнив, что верстах в пяти от полустанка имеется путевая стрелка, отвод которой ведет в тупик, Леха подхватил винтовку и помчался туда. С началом войны, точнее, с того момента, как в этих местах полностью исчезла любая власть, за путями следили кое-как. Путевые обходчики бросали свои дома и отправлялись искать лучшей доли. Ведь жалованье им платить стало некому, а одним огородом не проживешь.

Именно в будке обходчика у стрелки парень нашел ящик с инструментом и, прихватив его, отправился осматривать пути. Ему нужно было сделать так, чтобы вся эта свора отправилась в ад. Прощать убийц парень не собирался.

Развинтить пару стыков на рельсах и выдернуть дюжину костылей из шпал было делом одного часа. Ломом сдвинув рельсы так, чтобы колеса паровоза соскочили с колеи, парень сунул добытый инструмент в кусты и, отбежав в сторону, принялся искать место для наблюдения.

Что из всего этого получится, он и сам плохо понимал, но действовал вполне логично. Если состав движется по железной колее, то потеряв ее, он неминуемо сорвется под откос. Следом за паровозом туда же отправятся и вагоны. Именно это парню и нужно было. В возникшей суматохе можно будет уничтожить не один десяток иностранных убийц.

Все шло так, как Леха и рассчитывал. Не учел парень только одного, что перед стрелкой состав обязательно сбросит ход. В итоге, через три часа ожидания проходивший через стрелку состав соскочил с рельсов и под откос скатился толь-

ко паровоз, утянувший за собой две платформы и три вагона. Два из них были купированными. Один из них, перевернувшись, смялся, и сквозь скрежет Леха ясно расслышал крики пострадавших офицеров.

Испуганные солдаты высыпали из вагонов, выставив винтовки во все стороны. Понимая, что стрелять в таких условиях глупо, Леха притих, внимательно наблюдая за происходящим. Унтер-офицеры принялись наводить порядок, быстро организовав разбор завала. Пользуясь суматохой, Леха отошел в сторону и, перебравшись на другую сторону полотна, вплотную подобрался к месту крушения.

Винтовку он спрятал, так что, на первый взгляд, его можно было принять за случайного прохожего, неожиданно оказавшегося рядом. Держа один трофейный штык-нож обратным хватом, Леха подобрался к носилкам, на которых лежал офицер в раззолоченном мундире, и, улучив момент, резко ударил его клинком в правое подреберье. Прикрыв рану подобранной тут же солдатской шинелью, парень отошел в сторону и принялся осматриваться, выбирая очередную жертву.

Крепкого штабс-капитана с окровавленной головой вытащили из окна вагона и, отведя в сторону, усадили на траву. Помогавшие ему солдаты поспешили обратно, а Леха, подобрав брошенное одеяло, зашел офицеру за спину. Крепкие руки казачка ухватили штабс-капитана за подбородок и затылок и резким движением свернули ему шею. Аккуратно уложив офицера на спину, Леха подсунул ему под голову

свернутое одеяло и снова скользнул в сторону.

Испуганные, растерянные от катастрофы солдаты не обращали внимания ни на что вокруг. Единственное, что они пока могли осознавать, так это только то, что от них сейчас зависели жизни зажатых в перекореженном вагоне офицеров. Слишком неожиданно и быстро все произошло. Встав за обломки паровоза, Леха принялся высматривать очередную жертву, когда прямо на него выскочил пожилой унтер и с ходу, без всяких разговоров попытался ударить кулаком в лицо, зло выругавшись.

Что именно он сказал, Леха не понял, но то, что это было не пожелание здоровья, был уверен. Уж очень рожа у унтера была злая. Стремительно пригнувшись, парень пропустил кулак унтера над головой и, выпрямляясь, нанес стремительный удар кулаком в горло. Лехе не нужен был лишний шум, так что это был лучший в данной ситуации способ заставить противника молчать. Захрипев, унтер начал медленно оседать. Ухватив его на шиворот, Леха изо всех сил дернул эту тушу на себя, утаскивая противника за паровоз, подальше от чужих глаз.

Удар рукоятью штык-ножа в висок утихомирил унтера, подарив ему вечное забвение. Переведя дух, парень быстро сменил место наблюдения и, сам того не ожидая, споткнулся о коробки с патронными лентами для пулемета Максима. В его ситуации это был очень нужный трофей. Подхватив две жестянки, Леха с силой метнул их подальше в кусты, приме-

тив примерное место падения.

Обойдя паровоз. Леха осторожно подкрался к насыпи, где собирали всех спасенных офицеров, и, прикинув расклад, мрачно усмехнулся. Тихо убрать их в такой обстановке не получится. К офицерам то и дело подбегали солдаты и санитары, пытаясь оказать первую помощь. Оглянувшись, Леха прикинул примерное расстояние от насыпи до противоположной стороны дороги и, снова уйдя в сторону, скрылся в кустах.

Подобрав винтовку, он загнал патрон в патронник и, достав из кобуры револьвер, тщательно прицелился. У него было только шесть выстрелов, и ни один из них не должен был пропасть впустую. Так и случилось. Наган рывкнул шесть раз подряд, и шесть офицеров повалились на полотно чугулки, обливаясь кровью. Подхватив карабин, Леха метнулся в сторону и, петляя, помчался в тайгу.

Заполошная очередь из пулемета сбила листву и ветки далеко в стороне. Пробежав по дну ручья пару сотен шагов, парень перебрался на другую сторону и, сделав очередную петлю, устроил засаду, ожидая преследователей. Но время шло, а погони все не было. Устав ждать, Леха поднялся и, сориентировавшись, отправился обратно к железной дороге. Спустя два часа он удивленно рассматривал солдат, мрачно тащивших на носилках убитых офицеров обратно на полустанок.

Глядя на эту массу, парень вдруг сообразил, что добился

своего. У этой части не осталось живых офицеров, а значит, погоню организовать было просто некому. Взяв на прицел одного из солдат, Леха на мгновение замер, а потом опустил карабин. Убить всех ему просто не хватит сил. А лить кровь ради крови ему не хотелось. Главные виновники гибели его близких уже наказаны.

* * *

Старый горшечник Чуй прожил долгую жизнь. Вот уже седьмой десяток лет он каждый день в своей мастерской месил глину и лепил посуду. Так было и на заре его юности, так было и теперь. Проснувшись на рассвете, старик тяжело уселся на своей старой циновке и, вслушавшись, устало покачал головой. Вот уже второй день шел дождь. Но вчера, надеясь, что погода изменится, Чуй, занимался только обжигом уже готовой посуды, а сегодня придется идти на реку. За глиной.

Кое-как сжевав кусок сухой лепешки, Чуй достал из угла у входа деревянную лопату и, прихватив корзины, в которых переносил сырую глину, вышел на улицу, надевая коническую шляпу. Хоть какая-то защита от дождя. Шаркая по сырой земле стоптанными башмаками, старик выбрался на окраину города и медленно поплелся к яме, где брал глину для работы. Старая, как с сам Чуй, лопата с трудом выковыривала из земли куски глины, которые старик укладывал в

корзины.

Промокнув до нитки, но с огромным трудом наполнив корзины, старик устало привалился к стволу ивы и, прикрыв глаза, тяжело вздохнул. Когда-то у него была семья. Но сын вырос, однажды Чуй понял, что его мальчик, его Хон, пристрастился к опиуму. К тому времени старик уже похоронил жену, так что вынужден был вести все хозяйство сам. Сына он успел женить и очень надеялся, что невестка со временем заменит им покойную супругу в доме.

Но та не стала жить с любителем опиума. Однажды утром старик проснулся от плача маленькой внучки. Как оказалось, невестка ушла из дома в чем была. Не взяв даже кружку. Кое-как успокоив ребенка, Чуй растолкал сына и потребовал, чтобы тот догнал жену. Девочке нужна мать. Но Хон только отмахнулся от старика. Он уже переступил ту черту, когда мысли человека занимают только опиумные грезы.

А еще через год Хон увел девочку. Только спустя несколько месяцев Чуй смог узнать, что сын продал внучку в бордель. Потеряв от ярости разум, старик схватил свою верную лопату и принялся колотить сына. Сообразив, что в таком состоянии Чуй может забить его до смерти, Хон вырвался и, выскочив на улицу, сбежал. Больше старик его не видел. Он пытался выкупить маленькую Линь у хозяйки борделя, но та даже разговаривать с ним не стала.

Спустя четыре года внучка сама пришла к нему. Пряча глаза, Чуй угостил ее чаем и попытался дать хоть немного

денег из того, что успел заработать, но девочка не взяла. Уже уходя, она ласково коснулась его морщинистой щеки своей маленькой ладошкой и еле слышно прошептала:

– Я знаю, что ты не виноват, дедушка.

С тех пор прошло уже десять лет. Линь продолжала заходить к нему, принося угощения и маленькие подарки. Но Чуй так и не смог простить себе, что не усмотрел за девочкой. Воспоминания больно сжали грудь старика. Снова вздохнув, он утер рукавом набежавшие слезы и начал собираться в обратный путь. Привычно положив на плечи толстый ствол бамбука, который использовал вместо коромысла, и, взяв в руки лопату, старик принялся подниматься на дорогу.

Ноги скользили по влажной земле, ноша тянула вниз, но сделав над собой усилие, старик выбрался на дорогу и, переведя дух, заковылял к дому. Но, видно, боги сегодня отвернулись от него. До старой фанзы оставалось пройти всего пару сотен шагов, когда на дороге появились солдаты. Трое белых, один из которых был офицером, тяжело шагали посередине дороги, тяжелыми палками разгоняя всех прохожих.

Зная, что встреча с этими людьми ничего хорошего не сулит, Чуй начал отходить на обочину, но не успел. Размокшая от дождя земля была скользкой, словно лед. Подвернувшийся старику под ногу камень сместился, и стопа поехала по грязи. Тяжелые корзины качнулись, норовя опрокинуть его в огромную лужу. Успев опереться на лопату, Чуй попытался

выпрямиться и тут получил сильный удар палкой по спине. От боли старик вскрикнул и выгнулся. Коромысло соскользнуло, и корзины рухнули в грязь.

Грязная вода из лужи забрызгала брюки солдата. И так будучи в дурном настроении, британский солдат, под одобрительные усмешки офицера, сбил старика с ног и принялся избивать его палкой. Чуй только и мог, что прикрыть голову руками, мечтая только об одном. Чтобы убили сразу. Болеть и платить врачу старику было нечем. Немногочисленные прохожие, и так спешившие побыстрее покинуть улицу, едва завидев эту картину, бросались наутек, так что мелькнувшую из ниоткуда тень старик увидел, только когда избивавший его солдат с криком боли отлетел в придорожную канаву.

В себя старик пришел, когда кто-то осторожно поднял ему голову и принялся вливать в рот чистую холодную воду. Утерев лицо заскорузлой ладонью, Чуй кое-как проморгался и, подняв глаза, рассмотрел склонившегося над ним совсем молодого человека.

– Как вы, дедушка? – спросил юноша на высоком наречии.

– Что случилось? Где солдаты? – растерянно прохрипел старик, осторожно оглядываясь.

– Не беспокойтесь, они уже ушли, – жестко усмехнулся юноша. – Вы сможете идти сами?

– Я постараюсь, – кивнул Чуй и, тяжело перекатившись, встал на четвереньки.

Крепкие руки юноши подхватили его под мышки и одним рывком поставили на ноги. Старик покачнулся и понял, что еле стоит. Словно угадав его мысли, юноша сунул ему в руки лопату и, придерживав старика за плечи, негромко подсказал:

– Обопритесь на нее, дедушка. А корзины ваши я возьму.

Легко закинув на плечи тяжелую ношу, юноша удивленно крякнул и, повернувшись к старику, спросил:

– Куда идти? Где ваш дом?

– Там, за углом, – хрипло выдохнул Чуй, преодолевая боль в избитом теле.

Опираясь на лопату, он сделал шаг и тут же почувствовал, как жесткая ладонь незнакомца ухватила его за локоть, не давая упасть. Так, со стонами переставляя ноги, Чуй доковылял до своей фанзы и, открыв дверь, с трудом перешагнул порог. Вошедший следом за ним юноша поставил корзины с глиной к стене и, забрав у старика лопату, повел его к циновке, заменявшей старику постель. Уложив его на циновку, юноша удрученно качнул головой и, присев рядом, тихо спросил:

– Где тут можно найти врача?

– Он не пойдет ко мне, – грустно усмехнулся Чуй. – Да и денег, чтобы заплатить ему, у меня нет.

– Позвольте тогда хотя бы мне вас осмотреть, – помолчав, предложил юноша. – Я не врач, но в ранах кое-что понимаю.

Кивнув, Чуй с кряхтением сел и принялся стаскивать с себя рубашку. Раздев его, юноша затеплил крошечный све-

тильник и принялся осматривать торс старика, иногда едва касаясь тела кончиками пальцев. Только дважды он крепко нажимал ему на ребра, спрашивая, больно или нет. Минут через десять юноша накиннул старику на плечи рубашку и, выпрямившись, проворчал:

– Похоже, ничего сломать он вам не успел, но синяки будут большие. Да и спина еще долго болеть будет. Где здесь можно купить крепкого вина?

– Вина? – удивился Чуй. – По улице к середине города, и через пять домов будет харчевня. У господина Ли все купить можно, – мрачно усмехнувшись, закончил старик.

– Хорошо. Полежите пока. Я быстро, – кивнул юноша и, надевая плетеную шляпу, стремительно вышел из дома.

Осторожно улегшись, Чуй задумчиво смотрел на дверь, не понимая, что же все-таки случилось на дороге. В то, что солдаты просто так бросили его избивать, он не верил. Так просто они подобные развлечения не оставляли. Но выяснять, что именно случилось, старик не собирался. Он слишком долго живет на этом свете и прекрасно знает, откуда в Поднебесной взялся опиум и кто привозит его в страну. Истории опиумных войн гуляли в народе постоянно.

Юноша вернулся, когда Чуй уже начал дремать. Долив в светильник масла, он зажег свет и принялся ловко хозяйничать. Вскипятив воду в чайнике, неизвестный ловко обмыл старику спину и, разведя крепким вином какие-то травы, стал осторожно смазывать этой смесью ушибы. Закончив

с перевязкой, юноша принес от порога большую корзину и, выкатив из угла круглый столик, начал выкладывать на него принесенную еду.

Глядя на это изобилие, Чуй не мог поверить собственным глазам. Некоторые блюда он не пробовал уже много лет. Взяв в руки палочки, старик осторожно подцепил кусочек маринованной спаржи и, положив его в рот, принялся медленно жевать, прикрыв от удовольствия глаза. Юноша, дождавшись, когда старик начнет есть, подхватил свою тарелку и, ловко орудуя палочками, стал быстро поглощать пищу.

– Как тебя зовут? – спросил Чуй, утолив первый голод.

– Лю, – коротко ответил юноша, продолжая жевать.

– Откуда ты, Лю? – последовал следующий вопрос.

– Откуда-то, – иронично усмехнулся парень. – Просто бродяга. Иду ниоткуда в никуда. Сейчас ищу пристанища на зиму. А весной отправлюсь дальше.

– А чем ты занимаешься? Что делать умеешь? – не унимался старик.

– Все то, что умеет любой житель деревни, и еще немножко, – загадочно усмехнулся парень. Его явно забавлял этот разговор. – А где ваша семья? – спросил он в свою очередь. – Я же вижу, что вы живете тут один.

– Жена давно умерла. Сын погиб от опиума, а внучка живет в другом месте, – ответил Чуй, скрыв самое главное.

– В корзинах глина. Вы гончар? – уточнил парень, отодвигая пустую тарелку.

– Да. Гончар в пятом поколении. Но теперь мое ремесло умрет вместе со мной, – вздохнул старик.

– Возьмите ученика. Доброму ремеслу научиться не просто. Обязательно кто-то захочет стать вашим учеником.

– У меня и себя-то прокормить не всегда получается, куда мне еще ученика кормить, – отмахнулся Чуй. – На хорошую посуду у людей нет денег, а на простой много не заработаешь. Вот ты хочешь стать моим учеником?

– Я? – искренне удивился Лю. – Боюсь, для такой работы у меня слишком грубые руки, – усмехнулся он, показывая старику крепкие, широкие ладони, явно знакомые с тяжелым трудом.

Но старик заметил еще кое-что. Когда парень убирал руки, Чуй рассмотрел ороговевшие костяшки ударных пальцев. Такое он видел однажды у бродячего мастера тай-чи. Да и пальцы у этого странного парня тоже были необычными. Ровные, твердые даже на взгляд, на них были очень коротко обрезаны все ногти. Вспомнив, что британцы запрещают любые занятия единоборствами, Чуй удивленно посмотрел на парня и, качнув головой, тихо сказал:

– Тебе надо прятать руки. Они могут выдать тебя. Британцы очень не любят тех, кто занимается тай-чи. Особенно мастеров.

– Ну, какой из меня мастер, – рассмеялся юноша, но смех его прозвучал несколько натянуто. – Просто мальчишка, сумевший нахвататься всего по верхам.

– Но при этом ты умеешь врачевать раны и не боишься схватиться сразу с тремя противниками, – все так же тихо ответил Чуй. – Поверь старику, парень. Большеносые не упустят случая уничтожить даже ученика. Меня зовут Чуй. Я предлагаю тебе остаться здесь на зиму, моим учеником, – выпрямившись, официально предложил старик.

– Зачем вам это? – помолчав, так же тихо спросил парень, ловко заваривая чай.

– Я ненавижу британцев и готов помочь любому, кто делает плохо им.

– Это из-за сына? – осторожно уточнил Лю.

– Да. Британцы везут в страну опиум и приучают к нему наших детей. А себе увозят наше серебро. А самое главное, они обращаются с нами, словно с животными. Мы для них не люди.

– Так же поступают и другие, – пожал парень плечами. – Японцы, например.

– Японцы – это британские комнатные собачки, – презрительно фыркнул старик. – Они показывают характер перед нами, но стоит только появиться одному британцу, и они даже рта раскрыть не смеют без его команды. Поверь, Лю, я давно живу на свете и все это видел своими глазами. Они все думают, что простые крестьяне ничего не видят и не понимают. Но это не так. Люди все видят и все понимают. Просто мы ничего не можем сделать. Ты убил тех троих? – неожиданно спросил старик.

– Да, – помолчав, еле слышно признался Лю. – И утащил тела в кусты. Не скоро найдут.

– Я и не заметил, – удивленно хмыкнул старик.

– Я удивлен, что вы вообще что-то видели после таких побоев, – усмехнулся парень в ответ.

– Я стар, но не немощен, – гордо выпрямился Чуй. – И скажу тебе честно, бывало, что мне и сильнее попадало. Не смотри, что я простой гончар. В молодости я многое повидал.

– Похоже на то, – удивленно буркнул Лю.

– Так что? Ты останешься? – вернулся Чуй к своему вопросу.

– Я дам ответ утром, – подумав, ответил Лю.

* * *

Лейтенант Старк попал в Ост-индскую торговую компанию случайно. Точнее, по стечению обстоятельств. Его почтенный папаша, отличившийся на ниве торговли живым товаром, сумел сколотить серьезное состояние, но под конец жизни, не удержавшись, пустился во все тяжкие. Слишком азартен оказался старик. Умудрился спустить все нажитое на карточные ставки и молоденьких актрис. Растратив последние деньги и сообразив, что сотворил, он отправился на поклон к своему старому приятелю.

Генерал Макрайт, войдя в его положение, позволил млад-

шему Старку выкупить лейтенантский патент и без долгих раздумий отправил юного офицера в китайскую колонию. Папаша же Старка, едва проводив сына, застрелился, оставив всех своих кредиторов с носом. Известие о его смерти застало лейтенанта в дороге. Понимая, что возвращаться ему теперь некуда, лейтенант Старк испустил тяжкий вздох и, сцепив зубы, принялся строить свою собственную карьеру. Дотянуться до него кредиторы отца не могли. Ставший добровольно военным служащим человек был неподсуден на все время прохождения им службы в колониях.

С тех памятных событий прошло более пятнадцати лет, а лейтенант все так же оставался лейтенантом. Карьера его не задалась с самого начала. Не имея настоящего военного образования, он допустил несколько серьезных ошибок, после чего любой солдат, оказавшийся под его командованием, считал себя неудачником. Шли годы, а звания и повышения обходили лейтенанта стороной. И вот теперь, оказавшись комендантом гарнизона этого вонючего городишки на краю Китайской империи, лейтенант стоял у окна и, глядя на стекающую по стеклу воду, мрачно вздыхал.

Это был конец всему. Старк понимал, что с этой должности ему уже не выбраться. Но это было не самым страшным. Для лейтенанта гораздо страшнее было другое. Помня о делах родного папаша и корабли, трюмы которых были набиты ирландскими рабами, лейтенант мечтал затеять и здесь подобную торговлю, но к его удивлению, рабы китайцы почти

никого не интересовали. Да и время подобной торговли уже прошло.

Влезть в торговлю опиумом ему никто не позволит. Это была золотая жила компании, а устроить сбор налогов с местного населения в свою пользу хлопотно и бесперспективно. Это нищее стадо ело иногда раз в три дня. Трупы на улицах были обыденной картиной. Китайцы вымирали семьями, но лейтенанта это не волновало. Беспокоило его другое. Уже три патруля британских солдат бесследно исчезли. Что с ними стало, Старк прекрасно понимал, не понимал он только одного. Чего именно добиваются эти нападавшие?

Ведь любому понятно, что в случае серьезных волнений британские войска наведут в городе порядок в течение нескольких дней. Тогда зачем? Кому нужно это глупое противостояние. Ведь самому тупому аборигену уже давно понятно, что превосходство белого джентльмена неоспоримо. Раздался настойчивый стук в дверь, и лейтенант, повернувшись, негромко ответил:

– Войдите.

– Лейтенант, сэр, еще один патруль не вернулся с патрулирования, – бодро доложил рыжий детина, капрал из шотландских горцев.

– Людей на поиск отправили? – еще больше помрачнев, уточнил лейтенант.

– Так точно, сэр.

– И каковы результаты?

– Они еще не вернулись, сэр.

– Тогда какого черта вы меня беспокоите? – разозлился лейтенант. – Вот когда будете знать, что с ними случилось, тогда и приходите. Понятно?

– Сэр, так точно, сэр. Разрешите идти? – продолжал орать капрал.

– Убирайтесь, – рявкнул в ответ Старк и, убедившись, что дверь закрылась, снова повернулся к окну.

Настроение у лейтенанта было сродни погоде. Мрачное и угрюмое. Нужно было придумать, как обеспечить приближающуюся старость, а думалось ему лучше всего у окна. Но посмотрев на дождевые капли, Старк понял, что настроение окончательно испорчено, и вернулся к столу. Достав из ящика вересковую трубку и коробку с табаком, он не спеша набил чубук и, закурив, задумчиво покосился на столик в углу.

Там стояла пузатая бутылка виски, которая так и манила его своим содержимым. Мысленно плюнув на все неурядицы, лейтенант поднялся и, налив себе в стакан напиток на три пальца, вернулся за стол. Сделав глоток, лейтенант затянулся трубкой и, переведя дух, тихо проворчал:

– Нет, придется все-таки заняться опиумом. Думаю, солдаты будут солидарны со мной. Лишние деньги еще никому не мешали. Главное, найти тех, кто не станет попусту болтать. Капрала к дьяволу. Дурак и болтун. Придется лично познакомиться с гарнизоном.

Раньше подобное ему и в голову не приходило. Командо-

вать кем-то ниже чином, чем капрал, лейтенант считал для себя унижением. Он отдает приказы капралам и унтер-офицерам, а те передают их солдатам и добиваются исполнения. Сам же лейтенант только следит за исполнением. Именно так Старк представлял себе военную службу и субординацию. Он почти допил свой стакан, когда снова раздался стук и на пороге возник все тот же капрал.

– Сэр, солдаты нашли тела. Патруль убит, сэр, – доложил он, глядя куда-то за спину своему офицеру.

– Как это случилось? – помолчав, мрачно спросил Старк. – Определили, сколько человек в них стреляли?

– В них не стреляли, сэр, – вдруг замялся капрал.

– Тогда как их убили? – не понял лейтенант. – Закидали камнями?

– Никак нет, сэр. Осмелюсь доложить, доктор сказал, что их убили голыми руками, – еще больше смутившись, ответил капрал.

– Что за чушь?! – презрительно фыркнул лейтенант. – Троих молодых, здоровых солдат убили руками? Как ты себе это представляешь? Ты видел, как выглядят местные макаки? Да их же плевком перешибить можно.

– Осмелюсь доложить, сэр, так считает наш доктор, – пожал капрал плечами. – Прикажете позвать его?

– Пожалуй, – мрачно протянул лейтенант. – Зови. Я сам с ним поговорю.

– Сэр, есть, сэр, – гаркнул капрал и снова исчез.

Вернув стакан на столик, лейтенант уселся на место и, раскрыв первую попавшуюся папку, сделал вид, что занят делом. Гарнизонный врач вошел в кабинет, даже не удосужившись постучать. Рано облысевший круглощекий толстячок был гражданским и имел отдельный контракт с компанией. Его практика распространялась и на военных и на гражданских лиц, имевших дело с компанией. Местных он мог лечить по своему усмотрению.

Войдя, врач быстро осмотрелся и, заметив бутылку в углу, спросил, весело потирая руки:

– Лейтенант, надеюсь, вы вызвали меня не просто так, и я могу рассчитывать на глоточек того нектара, что вижу на том столике?

– Присаживайтесь, доктор, – усмехнулся лейтенант, поднимаясь из-за стола.

Налив виски в два стакана, он подал один врачу и, пыхнув трубкой, предложил:

– Можете курить, если хотите.

– С удовольствием, – усмехнулся врач, доставая серебряный портсигар. – От этих бесконечных дождей мне все время хочется забраться в тепло. Так зачем вы меня позвали? – уточнил он, закурив и как следует приложившись к своему стакану.

– Капрал доложил мне о ваших выводах. Не объясните, что все это значит? – в свою очередь глотнув виски, спросил лейтенант.

– Я сказал только то, что сумел увидеть, – пожал толстяк плечами, разом растеряв свою веселость.

– И все-таки. Почему вы решили, что моих людей убили голыми руками?

– Следы.

– Следы? – тупо переспросил Старк.

– Следы, – кивнул врач. – Думаю, вам известно, что любой удар оставляет на теле человека свой след. И если знаешь, какие следы оставляют кулаки или ребро ладони, то начинаешь понимать, как получен тот или иной синяк. Так и здесь. Всех солдат били руками и ногами. Но били так, чтобы сразу лишить их возможности поднять шум. В горло, висок или, прошу меня извинить, по мужскому естеству. Такие удары лишают человека возможности кричать, заставляя его только стонать от боли.

– Получается, тот, кто напал на солдат, сделал это специально? – задумчиво протянул Старк.

– А как же иначе? – удивился врач. – Скажу больше, прошлые нападения тоже случились именно так. Кто-то целенаправленно уничтожает солдат. Зачем, даже не спрашивайте. Но в том, что это один и тот же человек, я не сомневаюсь.

– Как-то все это странно, – пыхнул лейтенант трубкой.

– Что именно странно? – не понял врач.

– Странно, что они нападают не постоянно, а от случая к случаю. Ведь если эти люди из тех, кого местные называют мастерами кунг-фу, то им ничего бы не стоило перебить всех

моих солдат разом. Помните ту историю с запретом всяческих школ боевых искусств?

– Да, шумное дело получилось, – понимающе кивнул врач.

– Вот-вот. А тут убивают словно случайно. Как такое может быть?

– Есть у меня одна мысль, но, боюсь, она вам не понравится, – помолчав, вздохнул врач.

– Говорите, – небрежно махнул лейтенант зажатой в руке трубкой. – Это хоть что-то. Мне вообще ничего в голову не приходит.

– Мне почему-то кажется, что это последствия отношения наших солдат к местному населению, – сделав глубокий вздох, решительно заявил врач.

– Вы считаете, что местные обезьяны заслуживают чего-то иного? – презрительно скривился лейтенант.

– Я ничего не считаю, – качнул врач головой. – Я говорю то, что вижу и из чего могу сделать вполне определенный вывод. Ваши люди бывают иногда излишне жестоки. Отсюда и получаемый нами результат. А уж кто и чего заслуживает, дело второстепенное.

– Хотите сказать, что мои солдаты проявляют жестокость к местным, и за это их убивают? – сформулировал лейтенант услышанное.

– Именно так, – решительно кивнул врач.

– Чушь какая-то, – подумав, фыркнул Старк. – Местные отлично знают, что за подобные деяния их просто уничто-

жат. Компания не прощает нападений на своих служащих.

– В том-то и дело. Ведь солдаты – это не служащие компании. Солдаты – это только их охрана, – оживился врач.

– И что? – снова не понял лейтенант.

– Ну как же?! – всплеснул врач руками. – Солдаты охраняют, а значит, их служба изначально подразумевает опасность ранения или смерти. Их для этого и прислали. Получается, что наказывать местных просто не за что. Они не трогали служащих компании.

Выслушав эту сентенцию, лейтенант молчал.

– Я запутался, – пожаловался он после долгого молчания. – По вашим словам выходит, что нападать на солдат можно, а на служащих нельзя. Так?

– Почти, – с усмешкой кивнул врач.

– И что же мне тогда делать? – окончательно растерявшись, тихо спросил лейтенант.

– Вы ждете от меня совета? – удивился врач.

– А здесь есть еще кто-то? – сварливо поинтересовался Старк. – К тому же это ведь вы подвели меня к такому выводу.

– К какому? – лукаво уточнил толстяк.

– Что на моих солдат нападают специально.

– Я этого не говорил, – тут же открестился врач. – Я сказал только, что ваших солдат убивали голыми руками. А уж делать выводы не моя задача. Я только врач.

– Удобная позиция, – оценил лейтенант. – Но что мне те-

перь делать?

– На вашем месте я бы отписал в центральный офис и попросил прислать настоящего следователя. Пусть все будет по закону.

– Закон для макак? – снова скривился Старк.

– А при чем тут местные? – удивился врач. – Это скорее для вас.

– Объясните, – потребовал лейтенант.

– Ну как же? Ваших солдат убивают голыми руками. Это все, что вам известно. Но за что, почему, зачем, а главное, кто, на эти вопросы может ответить только профессионал. Да и найти виновного может только он. Ведь вас, насколько я понимаю, подобному не учили. Да, вы можете выгнать из города всех жителей, устроить им децимацию, но это не решит проблемы.

– Почему?

– А если виновник не местный, а только приходит в город? За продуктами, например. Потому и нападения случаются не постоянно.

– Мне нужно подумать, – проворчал лейтенант, вставая из-за стола и направляясь в угол кабинета, за бутылкой.

* * *

Разложив товар, Леха быстро осмотрел прилавок и осторожно проскользнул в лавку. Дальше старик будет разби-

раться сам. Он считался учеником и мог делать только то, что поручит ему учитель. Но это была внешняя часть его нынешнего существования. Парень ловко использовал тот факт, что китайское общество весьма сословно и придерживается строгой иерархии. В этом была его и сила и его слабость одновременно.

На самом деле, ему было выгодно вести себя подобным образом. Чем меньше мелькаешь на людях, тем лучше. Особенно с учетом того, что оккупационные силы британцев начали усиленно кого-то искать. Кого именно, не знал никто, но народ на всякий случай старался лишний раз на улицах не мелькать. Вот и Леха старался лишний раз не высовываться. Принес готовые горшки, разложил на прилавке и сиди в задней комнате, занимайся чем хочешь.

Леха использовал свободное время на отработку тех приемов, которым его успели обучить бабушка и отец. Драться голыми руками и ножом было непросто, но парень постигал эту науку с огромным старанием. Она уже несколько раз спасала ему жизнь. Впервые сцепившись с крепкими здоровыми британскими солдатами, он и сам не ожидал, что так просто справится с ними. Резкие, сильные удары, нанесенные в определенные места, разом отбивали у противников любое желание продолжать драку.

Да и не ожидали они подобного сопротивления. Привыкли, что китайцы, запуганные оккупантами, не смеют сопротивляться. Вот тут и пригодилась наука отца, много раз по-

второявшего ему, что оставлять за спиной живого врага верх глупости. Тем более в его положении. До этой мысли парень дошел сам. Раз уж прячешься, то свидетелей тому, кто ты есть, не должно быть. Тем более что старый Чуй был прав. Мастеров рукопашного боя британцы очень не любили.

Еще в самом начале их оккупации страны школы единоборств стали чем-то вроде точки кристаллизации, вокруг которых собирались силы, готовые к сопротивлению противнику. Именно поэтому британцы и начали делать все, чтобы дискредитировать или уничтожить подобные центры напряжения. Но все это Леха узнавал только из разговоров со стариком. Чуй и вправду не просто так прожил на свете столько лет. Несмотря на возраст, разум у старика был ясным, и соображал он получше некоторых молодых.

Вот уже два месяца он жил в доме старика и не уставал удивляться его познаниям. Как оказалось, старик помнил и знал многое из такого, о чем другие могут только догадываться. В общем, за прошедшее время Леха узнал о жизни и обычаях Поднебесной больше, чем за свою прошлую жизнь. Сидя в лавке, парень внимательно слушал все, что происходило снаружи. Так сложилось, что грабили простых людей не только оккупанты, но и местные банды.

Всякая нечисть сбивалась в стаи и начинала облагать обывателей поборами, обещая защиту от мифических проблем. На самом же деле ничего сделать толком они не могли. Но британцы подобные банды даже не пытались отлавливать.

Наоборот. Они поощряли их деятельность. Разделяй и властвуй. Так во все времена звучал их девиз. Леха даже не сомневался, что основная масса всех этих банд состояла на прикорме у оккупантов, которым было выгодно их существование.

Продельвая движение удара в который уже раз, парень услышал, как у лавки раздалась громкие, наглые голоса. Им ответил ломкий голос старика, после чего раздался грохот бьющейся посуды и наглый, презрительный смех. Выскочив на улицу, Леха за плечи удержал от падения старика, которого кто-то с силой толкнул в направлении двери, и, осторожно сдвинув его в сторону, шагнул вперед, быстрым взглядом осматриваясь. У прилавка, в небрежных позах стояло четверо молодых, крепких парней из местных.

– Хватило сил обидеть старика? – презрительно усмехнулся парень. – Верх доблести. Может, попробуете меня толкнуть?

– Тебя мы просто в землю вобьем, – послышалось в ответ.

– Ну, так попробуй, – чуть развел парень руками. – Но с одним условием. Если сможете меня побить, делайте что хотите. А нет, заплатите за весь товар.

– Мы и так делаем, что хотим, – зарычал один из парней и, подхватив с прилавка заварочный чайник, запустил его в голову Лехе.

Одним плавным движением перехватив чайник, парень сунул его в руки старику и тут же нанес сильный удар ногой в

грудь метателю. Не ожидавший такого ответа бандит отлетел на другую сторону улицы и, впечатавшись в стену, безвольно стек на землю, крепко приложившись об нее затылком. Не останавливаясь, Леха крутанулся вокруг своей оси и ребром ладони сломал второму бандиту нижнюю челюсть.

Толкнув его на третьего бандита, парень развернулся к четвертому и, заблокировав его удар левой рукой, всадил правый кулак ему в горло. Очень больно и сразу отбивает всякое желание продолжать драку. Не останавливаясь, Леха метнулся к сбитому с ног третьему бандиту и с ходу вбил кулак ему в макушку. Не удержавшись на ногах, тот повалился вместе со своим подельником и пытался подняться, когда попал под кулак парня.

Мрачно осмотрев учиненный бандитами погром, Леха принялся обыскивать лежащие на земле тела. Ссыпав все добытое себе в карман, парень вздернул на ноги бандита со сломанной челюстью и, тряся его, словно кот крысу, прошипел, с ненавистью глядя в глаза:

– Еще раз увижу вас на этой улице или рядом с моим учителем, начну убивать. Все понял? Так и передай своему главарю, – с этими словами он просто отшвырнул бандита в сторону.

Леха и сам не понял, откуда вдруг взялось столько сил, но с крепкими, сытыми парнями старше себя он обращался словно с мешками, набитыми соломой. Отброшенный бандит врезался в стену и снова упал. Кое-как поднявшись, он

принялся тормозить подельников. Вздернув всех троих на ноги, бандит жестами показал им, что нужно уходить, и вся четверка, пошатываясь, ретировалась.

– Они не простят тебе этого, – вздохнул Чуй, проводив бандитов взглядом. – Ты заставил их отступить, а значит, они вернуться, чтобы показать всем, что им никто не может сопротивляться.

– Ты знаешь, где эта банда обитает? – подумав, поинтересовался Леха.

– Нет, – качнул старик головой.

– Тогда закрой лавку и купи домой еды, – попросил парень, отдавая ему все отнятые у бандитов деньги. – Я приду, когда закончу все дела.

– Будь осторожен, Лю, – попросил старик, аккуратно убирая деньги в пояс. – Помни, у них может быть и огнестрельное оружие.

– Все может быть, – согласился Леха, скользнув в лавку и вскакивая на подставленную к стене скамеечку.

Там, в тайнике под крышей, он держал один из добытых револьверов с запасом патронов. Чуй принялся сметать осколки битой посуды, даже не пытаясь заглянуть в лавку и поинтересоваться, чем его ученик занят. Понимал, что у парня есть свои тайны. Быстро проверив оружие, Леха ссыпал патроны в карман и, сунув револьвер за пояс, выскользнул из лавки. Пройдя быстрым шагом два квартала, он нагнал бандитов и, стараясь не попадаться им на глаза, пошел

следом.

Похоже, не привыкшие к серьезному отпору бандиты получили крепко, потому что первым делом они отправились в ближайшую аптечную лавку. Этого врача Леха знал. Он пару раз заходил в лавку Чуя, чтобы сделать заказ на специальную посуду для хранения своих лекарств. Пристроившись за углом, парень дождался, когда побитые бандиты получат первую помощь, и принялся следить за ними дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.